

Annotation

Добряков Владимир Андреевич

Не родись красивой...

- - [СКОРАЯ ПОМОЩЬ](#)
 - [НАД ПРОПАСТЬЮ](#)
 - [НЕТ СЕРДЦА](#)
 - [СВИДАНИЕ](#)
 - [В ЧЕТЫРЕ УТРА](#)
 - [РАЗГОВОР С МАМОЙ](#)
 - [ДЕНЬГИ С НЕБА](#)
 - [СОНЯ-ЗАСОНЯ](#)
 - [НОВОСТИ](#)
 - [ДЕДУШКА ЛЕОНТИЙ](#)
 - [НОМЕР «51»](#)
 - [МИНИСТР ФИНАНСОВ](#)
 -
 - [«КОЗОЧКА»](#)
 - [ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА](#)
 - [СЛЕД НА ПЕРИЛАХ](#)
 - [ЧЕТЫРЕ ЗВОНКА](#)
 - [ПОДАРОК](#)
 - [АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ](#)
 - [ДЕЛА ИДУТ ПРАВИЛЬНО](#)
 - [ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ](#)
 - [ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ. ПОХОЖА НА СКАЗКУ.](#)
-

Добряков Владимир Андреевич

Не родись красивой...

НЕ РОДИСЬ
КРАСИВОЙ...

В
Л
А
Д
И
М
И
Р

Д
О
Б
Р
Я
К
О
В

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Это во дворе случилось. Под нашим раскидистым клёном. А кто виноват? Да Серёжка сам и виноват. Нечего было фасон держать. Хотя, конечно, и Юлечка сыграла тут роль — наша красотка. Уж так закатывала глазки! А улыбалась! Зубы будто на картинке — ровные, сахарные. И подружка Наташа не отставала, своими ямочками на щеках пыталась сразить Серёжу. И голосом. Нежным таким, завлекательным.

— Сержик, — спросила кокетливо, — признайся: у тебя разряд по гимнастике?

Серёжа не прост, цену себе знает, но от таких слов и внимания был в полном отпаде.

— А я вам, девочки, не скажу. Может, и разряд, а может... Вот смотрите, если до той ветки допрыгну, ухвачусь...

—...тогда уж... — Юлечка задохнулась от восторга, — тогда ты — мастер спорта! Настоящий!

Я тоже с интересом смотрела на смуглого Серёжу. И у меня сладко замирало сердце. Но я ничего не сказала, а про себя грустно подумала: ну, ради таких красоток он и до самой верхушки допрыгнет.

Только нет, не получилось. Подпрыгнул-то высоко, да лишь царапнул ветку ногтями. Конфуз вышел: целился на толстую ветку, а ту, что пониже, с обломанным концом, не заметил. Я треск лёгкий услышала и жутко испугалась — не поранился ли? Уф, слава Богу, крови не видно. Зато у плеча разорвана синяя майка.

— Ах! — воскликнула Юлечка. — Совсем новая майка.

— Фирмовая, — уточнила Наташа и показала пальчиком на большие разноцветные буквы «BOSS». — Сержик, где покупали? На рынке?

— Не знаю, — небрежно ответил Серёжа. — Маман где-то ухватила. Такого добра сейчас навалом.

— Ах, нехорошо как вышло, — снова пожалела Юлечка и с укором взглянула на подружку. — Вот зачем ты, Наташа? Не надо было подзадоривать, а то — разряд, разряд...

— А разве не ты про мастера спорта сказала? — нахмурила пушистые брови Наташа. — Вот Сержик и хотел доказать...

— Дома не будут ругать? — спросила Юлечка.

— Дорогая майка, — вздохнула Наташа.

— Ерунда! Жизнь дороже, — мужественно засмеялся Серёжа.

Мне понравилось, как он ответил. Но я не поверила: разве это ерунда? Хоть они и богатые, отец на иномарке ездит, только ничего не сказать, не поругать?.. Обязательно попрекнут. Тут я вспомнила о катушке синих ниток, что дома в прозрачной коробке лежит. Цвет подойдёт. Или всё-таки потемней нитки?.. Это я рассуждала, уже направляясь к подъезду. А когда за спиной захлопнулась дверь, то к лифту подбежала бегом — как бы они там не ушли. Кабина лифта была где-то вверху. Ждать не стала, кинулась к лестнице. Второй этаж, третий. Ещё один. Открыла ключом дверь. Вот и коробка с нитками. Не темней. Как раз такого же цвета. Я схватила катушку, отыскала иголку.

Сбегая по лестнице, очень волновалась — застану ли Серёжу на месте? А когда увидела его и девочек, вдруг оробела: что скажу им? И вообще... Так ничего и не придумала. Поэтому сама удивилась, услышав собственный голос: — Ну, давай, снимай майку. Вот нитки принесла. Смотри: цвет одинаковый.

— А... зачем снимать её? — Вид у Серёжи был растерянный и виноватый.

Мне сразу стало как-то легко, я засмеялась:

— Тогда ладно, не обижайся, если к плечу пришью.

Наташа показала на щеках симпатичные ямочки:

— Да, Сержик, надо снимать. А то, в самом деле, пришьёт к придётся всю жизнь ходить в этой майке.

— Не волнуйся, — сказала я Серёже, — петельным швом заштопаю. Дома и не заметят. Снимай. Нитку пока вдену.

Похоже, что конфузиться Серёжа не привык. Небрежно снял порванную майку, ещё и усмехнулся:

— Скорая помощь на дому!

Я старалась как только могла — стежок к стежку, чтобы ему понравилось, чтобы похвалил. А девочки улыбались, строили глазки и посмеивались, прежде всего надо мной — какая, мол, умница, спасительница. Серёжу щадили. Белозубая Юлечка даже сказала, что Серёжа — вылитый Аполлон.

— А ещё на Давида похож, — добавила Наташа. — Помните, в Москве, в музее Пушкина стоит? Красивый, высокий, почти до потолка.

Я чуть палец не уколола. В музее я не была, но на картинке видела. И хорошо помню: этот самый Давид стоит там голый. Наверняка и Серёжа знал про Давида: чуть покраснев, он обнял руками свои плечи, будто хотел прикрыться. Обернулся ко мне и скосил глаза вниз.

— Классно у тебя получается. В самом деле, почти незаметно. Надо

же!

Я и сама видела: хорошо выходит. И всё же тихонько вздохнула:

— Можно и лучше бы. Вот стежок закосила...

— Ерунда! Все замечательно. Это где же так научилась?

— У меня мама хорошо шьёт.

— Да, Сержик, — заметила Наташа, — за такую работу тебе не расплатиться. Всю жизнь будешь в должниках.

— У кого? У Анютки? — Серёжа тряхнул роскошным рыжеватым чубом и рассмеялся. — И пусть! Не страшно.

Палец я всё-таки уколола. Сильно. Показалась капелька крови. Я незаметно слизнула её и низко опустила голову. Незачем видеть девчонкам моё лицо.

НАД ПРОПАСТЬЮ

Этого Митьку Звонарёва я и в грош не ставила. В доме напротив живёт. Тоже на четвёртом этаже. И окон у них столько, как у нас, — три. Естественно, и балкон почти такой же. Хорошо, хоть в разных классах учились. Он — в 6-м «в», а мой 6-й — под буквой «а».

Зато с солнышком Митьке повезло. Оно с раннего утра заливает его окна, а в наши заглядывает после обеда.

В последнее время (особенно с началом каникул) Митька по утрам берёт зеркало и направляет луч солнца на двустворчатое окно моей комнаты. Яркое пятно освещает и кровать, где я сплю, и стены с зелёными завитками на обоях. В дневное время солнце обычно добиралось по стене только до фотографии в рамке, на которой мама, я и отец стоим на фоне высоких гор. Это когда мы были на Кавказе, еще до чеченских войн. Лучи едва касались рамки, потом начинали шевелиться, блекли и через минуту-две пропадали вовсе, потому что путь им преграждал тополь, он рос слева от окна.

А Митькин солнечный зайчик совсем иначе освещал снимок. На нём всё-всё становилось видно. Тогда отец жил с нами, он часто улыбался и любил сажать меня на плечи. Я и на фотографии сидела так же — ноги свесила ему на грудь, на белую майку с буквами, а руками обняла шею.

Как давно это было! Мне ещё трёх лет не исполнилось. Тогда называла его папой.

Смотреть на старую фотографию, высвеченную дрожащим зайчиком, было неприятно и обидно. Слово и Митька становился свидетелем моей тайной боли. Я вскакивала с кровати и задёргивала на окне штору. Хотелось даже погрозить кулаком. «Придурок! — обзывала я Звонарёва. — Делать больше нечего!»

Два дня назад в передней зазвонил телефон. Я в это время стояла на коленках и пылесосила под кроватью. Звонок едва расслышала, наш трудяга «Буран», хотя и старенький, чиненный, но воеет и рычит, как стая голодных волков. Быстренько выключила мотор и поспешила в переднюю. Не успела сказать «алё!», как в трубке раздалось:

— Телек смотришь?

Я удивилась: по голосу не поняла, кто говорит, а ответить не успела —

послышался щелчок. Значит, всё, разговор, трубку положили.

Хлопать глазами было некогда. Подсела к телевизору. Накопился экран. Сначала ничего не разобрала — какие-то горы, пики, расщелины. А потом человечка разглядела. Маленькая-маленькая фигурка, в руках — длинный шест. Осторожно переступает ногами. Тут и голос диктора пояснил: высота четыре тысячи футов, внизу — пропасть, скалы, утёсы. У меня защемило в груди. А когда диктор тревожным голосом сообщил, что канат начинает раскачиваться, я, кажется, и дышать перестала, не отрывая глаз, до тех пор, пока безумный смельчак дошёл до конца длинного натянутого каната и ухватил-за твёрдую опору. Я с огромным облегчением выдохнула.

Следом за этой передачей что-то другое стали показывать, музыкальное, и я выключила телевизор. С минуту сидела с закрытыми глазами, будто всё ещё видела крохотного человечка, который тихонько двигался над ужасающей бездной. Неожиданно, не размыкая век, я ощутила, что в комнате прибавилось света.

Так и было: стену с фотографией освещало солнце.

Стрелки на часах показывали начало одиннадцатого, я давно проснулась, позавтракала, успела пропылесосить кухню и почти всю комнату, и сердиться на Митьку почему-то не захотелось, пусть себе развлекается, если некуда девать время. Если только одно и может — на чужие окна пускать зайчики.

Я снова собралась включить пылесос, но тут во второй раз напомнил о себе телефон.

Теперь узнала голос — Митька. Да и как не узнать, если первым делом он спросил:

— Как моё солнышко у тебя поживает?

— Спасибо, — сказала я, не совсем представляя, что же ответить на такие слова.

— Видела передачу, как по канату он шёл, между горами?

— Видела. Ох, у меня чуть сердце не оборвалось.

— Да-а-а, — длинно вздохнул Митька.— Вот это парень!

— А может, где-нибудь внизу сетка была натянута?

— Не было никакой сетки. И парашюта не было. Он же объяснил, который вёл передачу. Там, в бездне, — скалы, трещины, провалы. Жуть...

— Ой, не надо. — Мне снова стало страшно, и я перевела разговор на другое: —Лучше скажи, откуда знаешь номер моего телефона?

— В справочнике напечатано: «Рогозин П.И.» Улица совпадает. Дом одиннадцать. Это твой отец?

Я нахмурилась и чуть было не опустила на рычаг трубку.

— Ты в моё окошко больше не свети.

От моего голоса Митька, похоже, сник.

— Почему? — помолчав, спросил он. — Разве плохо, когда солнышко в комнате? По-моему, наоборот.

— Дело, Митенька, не в этом... — «Вот дура, — подумала про себя, Ж зачем-то сказала «Митенька!» А он сразу повеселел:

— Всё понятно: солнце спать мешает.

— Ошибся. Может, ещё раньше тебя встаю.

— Ровно в шесть! И делаешь зарядку. Могу одолжить пластинку. Долгоиграющая. Аэробика. Музыка — ух, и на стуле не усидишь!

Я улыбнулась:

— Ладно, Митя, солнышко так солнышко. Разрешаю — свети.

— А хочешь, отросток лимона подарю? Вот кто любит свет! Утром, значит, от моего зеркала покормится, а днём у вас своего солнца хватает.

Разговаривать с Митькой было интересно.

— А ты подумал, какая жизнь у тебя начнётся?

— Хорошая жизнь.

— Совсем прекрасная! Вскакиваешь чуть свет, хватаешь своё зеркало и...

—... навожу зайчик на твой лимон!

— Вот-вот! Пять минут держишь, десять. А дальше? До самого обеда держать? Так, что ли, Звонарёв?

— Это верно, — тотчас согласился Митька, какой-то моторчик надо приделать. Или пружину. Чтобы и зеркало чуть-чуть поворачивалось... Придётся покумекать.

— Ошибаешься, Рогозина, не так. Зеркало у меня с бечёвкой, на гвозде закреплено. Не дрогнет.

— Ха-ха! Пойдёшь досыпать, а зайчик через минуту убежит. — Я решила блеснуть познаниями в небесной механике. — Ведь Земля-то вертится, и солнце всё время изменяет своё положение. Понимаешь?

— Это верно,— тотчас согласился Митька. — Да... Значит, какой-то моторчик надо приделать. Или пружинку. Чтоб и зеркало чуть-чуть поворачивалось... Придётся покумекать.

— Что ж, Митя, кумекай, соображай. А я «Буран» пойду включать. Комнату и переднюю ещё надо пропылесосить.

— Анют, — сказал он, — а если чего придумаю, можно снова тебе

позвонить?

— Ладно, — милостиво разрешила я и про себя подивилась, какой жалобный сделался у него голос.

Митька позвонил через два часа. А я, между прочим, ждала звонка. Даже заготовила первую фразу: «Поздравляю с великим изобретением!»

Эти бодрые слова и проговорила, подняв трубку.

Звонарёв был в ударе. Он обрадовался:

— Не великое, а гениальное! У бабушки выпросил верёвку. Новенькая, с бумажкой: «Пятьдесят метров»! До твоего балкона хватит.

— До моего балкона? — переспросила я. — А что, собираешься залезть на мой балкон? Ты же хотел зеркало поворачивать.

— Зеркало — это потом. Другое придумал. Такое!.. Все ахнут. Обалдеют.

— А чего особенного! — засмеялся отчаянный Митька. — В руках держу длинный шест. Для балансировки. Нормально.

— Сумасшедший! Тот фокусник, может, пять лет тренировался. И не мечтай. Никакой верёвки на своём балконе привязывать не собираюсь. Ничего себе, гениально придумал!

— Эх, не понимаешь...

— И понимать не хочу. Чтобы свалился на моих глазах?! Руки, ноги переломал?! Нет уж!

— Аня... Слышишь, Ань? — просительно сказал Митька. — Можно, на пять минут забегу к тебе?

— Ко мне?.. Ладно, — согласилась я. — Только верёвку свою оставь дома. Приходи. Подъезд знаешь. А квартира — 51.

Я положила трубку и посмотрела в зеркало. Оно висело тут же, в передней. Почему-то подумала, что три дня не мыла голову. А ведь собиралась помыть как раз сегодня. Уже не успею... Я пропустила пальцы сквозь свои длинные волосы. Может быть, косу заплести? Белый бант... Нет, лучше голубой. Не зря считается: блондинкам — голубое. Стоп! Да что это я, в самом деле? Он, похоже, с ума сошёл, а я — бант! Глупости! Спасибо, что в квартире чисто. Чуть не целый час пылесосила.

Я прошла в комнату, к окну с балконом, и тут же на дорожке, возле клёна, увидела Митьку. Спешит. А в руке?.. Так и есть, моток верёвки. Всё-таки взял! Ну, Митька! Ну, заяц, артист-фокусник! Я откинула волосы за спину и прошла в переднюю — встречать гостя...

А через три дня на раскидистом клёне приколотое кнопками висело красочное объявление:

*Смертельный номер!!!
Канатоходец над бездной!
Приглашаем всех, у кого железные нервы.
Только один раз. Завтра, в субботу, в 12-00.
Вход бесплатный.*

О главном деле (о верёвке) мы позаботились ещё накануне. Сделать это было не очень трудно. Я смотала с катушки синюю нитку, ту самую, которой недавно зашивала Серёжину майку, и конец её с грузиком свесила до земли. А Митька со своего балкона спустил длинную-предлинную рыболовную жилку. Нам повезло — клён рос немного в стороне, да и тополь, вымахавший аж до седьмого этажа, не был помехой. Внизу Митька связал концы в узел, и я снова намотала нитку на катушку. Так наши балконы и соединила прямая, как лучик, прозрачная жилка.

Верёвку тянули уже в темноте. И без света прекрасно управились. Жилку я наматывала до тех пор, пока не приползла наконец и сама верёвка. Я обрадовалась и быстренько набрала Митькин номер телефона.

— Великий канатоходец, — доложила торжественным голосом, — трасса готова!

— Ай да мы! — счастливо засмеялся Митька. — Бегу вывешивать объявление!..

Не только нам с Митькой удалось посмотреть удивительную передачу о бесстрашном канатоходце. В нашем большом дворе жило немало других мальчишек и девчонок. И поэтому то невероятное объявление, которое появилось на дереве, вызвало огромный интерес. Я даже испугалась и была уже не рада — вдруг из нашей затеи ничего не получится? Ведь все, конечно, догадались: раз между моим и балконом Звонарёва появилась верёвка (а её было видно отовсюду), значит, кто-то из нас — замечательный смельчак. Я всё же не была уверена, что и обо мне можно так подумать. Однако подумали. Несколько человек звонили. А Юлечка прямо ошарашила меня:

— Я знала, я чувствовала: ты просто необыкновенная девочка! Помнишь, с Сержиком, когда майку порвал? Он не успел в себя прийти, а ты тут как тут — уже с иголкой и ниткой. Я заметила: Сержик теперь та-а-к на тебя смотрит... Неужели не побоишься идти по тросу?

— Юлечка, не расспрашивай. Сама всё увидишь.

— Понимаю, понимаю, тебе же надо настроиться. Ну, Анюта, ты даёшь! Тогда желаю удачи. От всего сердца желаю.

Я поправила перед зеркалом пышный голубой бант в косе и пожалала

плечами. Сержик? Смотрит по-особенному? Ну и ну... Хотя разве поймёшь мальчишек? Я набрала Митькин телефон:

— Мить, если будешь мне звонить, дождись семи гудков. Раньше трубку не стану поднимать. Надоело. Представляешь, решили, что это я собираюсь шагать по верёвке!

— И мне звонят. Всякие советы дают: вниз чтобы не смотрел и шест чтобы подлинней... Полчаса осталось. У тебя всё готово? Волнуешься?

— Конечно. Только ведь главный герой — ты. Надел красные штаны?

— И рубашку.

— Вижу, тоже волнуешься. Возьми себя в руки. Всё будет — о'кей!..

И вот настала решающая минута. Я вышла на балкон. Внизу стояло много народа — зрители. Послышались хлопки. Дружней, громче. Оттого, что дальний балкон девятиэтажного дома, к которому уходила верёвка, был ещё пуст, я поняла: эти аплодисменты относятся ко мне. Пришлось широко улыбнуться, раскланяться, даже развела руками, словно благодарила за тёплый приём.

Но тут захлопали ещё громче, и все повернулись в другую сторону. На противоположном балконе, у самой верёвки, вровень с перилами, наверное на стуле, стоял канатоходец Митька Звонарёв. В красных штанах и красной рубахе. В руках, точно за середину, он держал шест.

Кто-то на весь двор закричал:

— Митюха! Давай!

— Вся Европа смотрит! — закричал другой.

Я до боли в пальцах сжала леску. Замерла. Ждала. И когда Митька, вдруг опустив шест и спрыгнув со стула, присел за жёлтым щитом балкона, я тут же потянула леску на себя. На том, Митькином балконе, неожиданно появился настоящий канатоходец. Ростом вчетверо меньше, но одет был во всё красное, и в руках, поперёк каната, держал шест. Правда, шагал он странновато, словно бы пританцовывал на ходу. То одной ногой взбрыкивал, а другая тащилась, как неживая, то ноги взлетали вместе* Но всё же он двигался, не падал. Уже метра три или четыре прошёл. Кто-то засвистел. А кто-то захлопал. Аплодисменты смельчаку на канате больше понравились. Он вдруг торопливо и часто засеменял ножками, да так похоже на живого человечка, что стоявшие внизу захохотали, дружно захлопали.

А я совсем приспособилась: левой рукой тяну леску, а правой одновременно поддёргиваю её. Отлично выходило. Да, не напрасно два дня просидели мы с Митькой — руки и ноги из фанеры выпиливали, центр

тяжести определяли, на проволоку насаживали. Я красный костюм сшила.

Звонарёв на своём балконе больше не прятался за жёлтым щитом. Помогал мне — тоже подёргивал леску.

Наш весёлый удалец добрался до середины пути. Весь двор аплодировал нам — канатоходцу, Митьке, ну и мне, конечно.

НЕТ СЕРДЦА

Я заметила: у мамы стал портиться характер. Сделалась раздражительная, мрачная, придирается по пустякам. На работе два месяца не выдавали зарплату. Говорили, что на банковском счёте швейной фабрики нет денег. По радио и телевидению я не раз слышала: «банковский счёт», «неплатежи», «инфляция», «дефолт», но всё как-то проскакивало мимо ушей. А по тому же телеку каждый день показывали приключенческие фильмы, бесконечно мелькали рекламные ролики, серии американских мультиков, и казалось, что в жизни всё идёт не так уж плохо.

Вчера мама стирала бельё и, когда достала из машины разорвавшуюся простыню, без сил опустилась на табурет.

— Мамуль, — сказала я, — не расстраивайся. Как только высохнет, я сама зашью. Ничего страшного, ну будет ещё один шов, посредине. Мы же не принцессы на горошине.

Она даже не улыбнулась. Дело, конечно, не в том, что будет лишний шов, просто материя изнасилась. В одном месте застрочишь — в другом расплзается. И стиральная машина уже старая, не то что современные, с особыми режимами и автоматическим управлением.

А сегодня мама сказала, что у меня нет сердца. Это потому, что я ушла из кухни, где она разговаривала со своей приятельницей Клавдией из третьего подъезда. Я сначала сидела, слушала, как они жалуются на тяжёлую жизнь, а потом посмотрела на будильник и вспомнила, что должны начаться диснеевские мультики, и пошла включить телевизор.

Когда за Клавдией захлопнулась дверь, когда мама появилась в комнате, я не слышала — смеялась над забавным поросёнком...

Телевизор мама выключила после того, как на экране поплыли вверх иностранные надписи. Она недовольно сказала:

— Что ж телевизор без конца гоняешь? Какой-никакой, но всё-таки работает. А вдруг трубка сядет? Нового нам не купить.

— Так уж и без конца! — Я немножко обиделась. — Просто передача интересная. Все дети любят мультики.

— Сказочки это. Ты вот ушла, не хотела послушать, нет у тебя, дочка, сердца, а у Клавдии — тридцать три несчастья. Весной бабушку похоронила, до сих пор из долгов не может вылезти. Сама больная — рези в желудке, лекарства купить не на что. Ей по-настоящему в больницу бы лечь, да куда ж Юрика девать? Несмышлёныш.

Я едва сдержалась: неужели в самом деле я такая — без сердца, равнодушная? Но, услышав про Юрку, с усмешкой сказала:

— Несмышлёныш! Не видела, как бегаёт! Его никто не может догнать. Быстрее, чем заяц в мультике.

— В том-то и беда, — кивнула мама. — Бегать он горазд. Клавдия жалуется: обувь на нём будто горит. Да теперь, видно, дома придётся посидеть. Месяц назад купила ему ботинки, 36-й размер, ещё порадовалась — крепенькие, хорошо прошиты, а вчера поглядела — подмётки напрочь. Ничего, пусть посидит, больную мать пожалеет... Вот, доченька, жизнь какая пошла. Не та, что в телевизоре. Прочитала бы раньше в газете, ни за что бы не поверила. А тебе всё хаханьки. Верёвку через двор натянули. Какие-то представления показываете. — Мама взглянула на белевшую за окном верёвку, что тянулась к Митькиному балкону, и строго добавила: — Снимите. От людей неудобно, смеются.

«Так это хорошо, — возразила я про себя. — Ведь не над нами смеются». Во дворе уж сколько раз я слышала: «Ну и молодцы!

Надо же такое сообразить!» Конечно, было приятно, что хвалят, только я всякий раз не забывала уточнить: это Митя Звонарёв придумал, из десятого дома.

Я вышла на балкон, потрогала тугую верёвку. Ладно, можно и убрать. В самом деле, зачем она теперь? Зато двойная жилка... Её-то снимать не обязательно. Кому мешает? С земли не видно, прозрачная. И вместо почтовой связи может служить. Записку, например, послать. Вдруг телефон испортится...

Из тетрадки за шестой, уже пройденный класс я вырвала чистый листок, села к столу и задумалась: что бы вот такое написать?..

Ага, об этом стоит, как раз к случаю! Я улыбнулась, но тут же сурово сжала губы и сверху на листе вывела:

«Звонарёв! Пишет тебе человек без сердца. Так мама обо мне сказала. А раз у человека нет сердца, то ему ничего не страшно. Я хотела взять шест и отправиться к твоему балкону, но подумала, что верёвка может не выдержать и лопнуть. Жалко, ведь она принадлежит твоей бабушке. Поэтому поход отменяю, вместо него посылаю письмо. Митя, посмотри, пожалуйста, нет ли у тебя ботинок 36-го размера. Которые ты уже носил, а потом они стали малы. Нужны позарез. Прямо очень. Поищешь? Анюта из дома № 11».

Я перечитала письмо, проверила запятые. После этого перегнула

листок три раза, взяла иголку с ниткой и прикрепилась к леске. Только вот неизвестно, когда Митька обнаружит его. Позвонить?.. Но вдруг мама услышит. Почему-то не хотелось, чтобы она знала. Хотя может и не услышать — что-то строчить начала, мотор швейной машинки работает. Я уже подошла к телефону, но опять передумала: солнышко-то сейчас светит в наши окна. Отлично! Я схватила с тумбочки зеркало и навела зайчик на балкон с привязанной верёвкой. Показалось, будто Митя ждал этого сигнала — через две секунды возник за жёлтым щитом и помахал рукой.

Перебирая пальцами рук, я тянула леску, и белый квадратик бумаги медленно заскользил вдоль натянутой верёвки. Ах, забыла: надо бы сразу и конец верёвки привязать, мама была бы довольна. Ладно, главное — письмо... Приехало, наконец. Митя освободил листок, с минуту читал его. Я с такого расстояния не могла разглядеть, какое у него лицо... Ну, что? Пожмет плечами? Головой помотает? Или усмехнётся?.. Так и не поняла — он скрылся в комнате.

Я стояла, ждала — не покажется ли снова?.. Потом взяло сомнение: а надо ли было просить? Это же не коробок спичек.

Ботинки. Если даже и старые. Кто теперь так просто отдаст?

А вдруг сейчас позвонит? Я скоренько прошла в переднюю, где стоял телефон. Молчит. Открыла прозрачную коробку с нитками, положила иголку. Неожиданно увидела себя в зеркале. Господи, какое лицо... Чего испугалась-то? Я расчесала свои золотистые волосы, послушав палец и накрутила на него тонкую прядку, пристроила её у виска. Почти как у телекрасотки Наташи Королевой. Хотя у неё волосы тёмные. Но это не имеет значения. Теперь бы ещё микрофон в руки и... А может быть, Звонарёв в кладовке роется? Ищет. У нас тоже старая обувь пылится, жалко, что девчоночь. Правда, сохранились и отцовские туфли, но размер-то! Мои обе ноги в его туфлю влезут. «Поищи, поищи, -4г мысленно сказала я Митьке. — Могу обождать, не спешу. Пока бисеринки для браслета рассортирую или почитаю. Да, лучше почитать». Я сдвинула стекло книжной полки и достала знакомую мне «Алису в стране чудес». На первой странице синими чернилами было написано: «Милой Зинуленьке в день рождения от мамы». Я знала: это написала бабушка, а «Зинуленька» — моя мама, которая полчаса назад сказала, что у меня нет сердца. Зачем она так? Это же несправедливо. Абсолютно. Я приложила к груди руку — вот оно, никуда не делось, бьётся. Только чего ж обижаться на маму? Ведь не со зла сказала. Она добрая. Ей тогда всего двенадцать исполнилось, когда бабушка подарила книгу. Как и мне сейчас. Давно это было. И бабушки уже нет. И отца. Я почувствовала, как на глаза навёртываются

слёзы. В этот момент зазвонил телефон. Я почему-то испугалась, схватив трубку и растерянным голосом спросила: «Алё?..» И тут же услышала голос Митьки:

— Прислал. Они там, на балконе.

Глупая! Даже не сказала «спасибо». Побежала к балкону. У самых перил висел свёрнутый пакет, перетянутый шпагатом.

Молодец, петелькой завязал! Не пришлось и за ножницами бегать. Я развернула пакет. Ой, да какие хорошие, целые, подмётки крепкие, с бороздками. Каблуки чуток скошены. Пустяки! Юрке такие за месяц не сносить. Лишь бы размер подошёл. Я скинула босоножки, примерила. Малость великоваты. У меня же размер 35. Юрке, значит, будут как раз. Только тут я взглянула на дальний балкон. Митя смотрел в мою сторону. Я радостно замахала руками и готова была крикнуть на весь двор: «Спасибо, Митенька!» Крикнуть всё же не решилась, а воздушный поцелуй послала. Разве не стоит?..

Я вошла в комнату, откуда доносился стрёкот швейной машины, положила на стол полупрозрачный пакет с ботинками.

— Что это? — спросила мама.

— Благотворительная помощь.

— Откуда? Из Америки?

— Нет,— улыбнулась я, — поближе. Из России.

— Да ты объясни толком.

— А чего объяснять? 36-й размер. Как у Юрки-несмышлёныша.

Ботинки что надо. Крепкие.

— Но откуда взяла-то?

По почте, мамочка. Во-он оттуда, — показала я за окно. — Где верёвка привязана. Видишь? И Митя там стоит. Митя май друг. Это же он собирался по канату с шестом идти. Но я не разрешила. Ведь опасно же, правда? А Митька отчаянный. И добрый. А знала бы, какой выдумщик! С ним ужасно весело...

Мне хотелось говорить и говорить. О Звонарёве, о розыгрыше, который с ним придумали, о том, как мастерили канатоходца. Я бы с улыбкой могла напомнить маме, что у меня нет сердца. Только ни к чему это. Конечно, не со зла же она сказала. Это жизнь такая сейчас настала. Трудная.

СВИДАНИЕ

Конверт был без марки и штемпеля. Заклеен. Не было и адреса. Лишь фамилия: «Рогозиной». Письмо вместе с рекламной газетой лежало в почтовом ящике. За газетой я специально спустилась — узнать о телепрограмме на следующую неделю.

Пока кабина лифта поднималась на четвёртый этаж, я всё смотрела на конверт, на свою фамилию, написанную четкими и немножко наклонными буквами. Незнакомый почерк. Кому же письмо? Маме или мне?

Сначала я положила конверт на стол. Собралась развернуть газету, но вдруг подумала: «Если бы маме прислали, тогда указали бы инициалы. А то и полностью — Зинаиде Васильевне. И странно, послано не по почте. Ни одного штемпеля».

Минут десять мучилась. Потом решила: расклею осторожненько и всего одну строчку посмотрю. Первую. Сразу и будет ясно — для кого письмо. Я поставила на плиту чайник и терпеливо ждала, пока из желтоватого носика не выдохнулась струйка пара. Ногтем поддела уголок. Тихонечко, тихонечко... Всё, расклеилось! Вынула вдвое сложенный листок. И честно, как давала себе слово, открыла верхнюю строчку: «Анюта, привет!» Уфф! Всё-таки мне...

С любопытством и удивлением прочитала я восемь строчек, не занявших и половины листа.

«Анюта, привет!

Ни за что не догадаешься, кто тебе пишет. В общем, не знаю, как назвать, встреча это, а может, свидание, но предлагаю прийти в 3 часа, то есть в 15-00, к скверу. Я буду сидеть на лавочке у киоска, где «Сникерсы», «Марсы», жвачки и пр. В моей руке без труда заметишь зелёную ветку».

Если бы я увидела себя в зеркале, рассмеялась бы. Не меньше минуты сидела с разинутым ртом. И глазами — хлоп, хлоп.

Прежде всего подумала на Звонарёва. Подумала и засомневалась. Чего бы ему в ящик бросать письмо? Переправил бы воздушной почтой. Как ботинки прислал. Мог и по телефону позвонить. .. Но если не Митька, тогда... Допустим, Грила. С девятого этажа. Настоящее его имя — Гриша. Хотя какой же Гриша? Гриш-ка! Потом он распорядился, чтобы называли

Гориллой. Для устрашения. Год назад снова заменил кличку, теперь — Грила. И злится, если кто по-прежнему назовёт. Разговор у него короткий: размахнётся и врежет по уху. Жаловаться не смей, хуже будет... Неужели Гришка? А что, похоже: живёт в нашем подъезде, каждый день мимо почтовых ящиков ходит. Но, главное, как-то непонятно на меня смотрит. Прошлой зимой я грохнулась возле школы на скользком месте. Портфель — в одну сторону, мешок с обувью — в другую. И тут откуда ни возьмись — Гришка. Портфель подобрал, мешок. Протянул мне. Я ему — спасибо, а он пальцы вилкой наставил, зубы ощерил и по-тигриному: р-р-р!

Очень нужен мне такой тигр! На лавочке будет ждать! Да хоть до ночи сиди!..

Потом я вспомнила о Серёже и как майку ему штопала. Нет, это смешно. Белозубка-Юлечка глаз с него не спускает. Квартиры их рядом, отцы — друзья. У тех и других — машины. Семьями ездят отдыхать на озёра или реку.

Неожиданно меня осенило: Митя! Точно! Ведь я почему не поверила, будто письмо написал он? Да потому, что и правда поверить в это невозможно. Какое-то свидание. Зачем? И так может в любую минуту позвонить. И домой запросто приходил, когда мастерили куклу с шестом. Это он, он! Просто хочет удостовериться — если не приду, тогда ясно: я верна ему, ценю дружбу и ни к кому другому идти на тайную встречу не собираюсь. Ой, Митенька, хитрованчик ты! Только не получится, разгадала твою загадку. Теперь-то обязательно пойду. Погляжу, какую такую зелёную веточку будешь держать в руках? Очень даже интересно. Ишь, написал: не знает названия. Прости, пожалуйста, да любому первоклашке ясно: пригласил на свидание. Ну и что здесь такого? Молодец! Посидим в скверике, погуляем.

Я словно бы разговаривала с Митей, обращалась к нему. Не раз взглядывала на часы, а вот на балкон его посмотреть почему-то не решалась. И цветная рекламная газета оказалась не раскрытой. О телепрограмме я просто забыла.

Да, свидание, тем более первое в жизни, — это всё же событие. И много хлопот. Я заплела косу. Завязала голубой бант. Потом развязала его, а косу распустила. Как-то вроде старомодно. В телерекламе с косами почему-то никого не показывают. Зато улыбку! О, раз по сто в день! Чего-чего, а её-то сколько угодно могу. Любую! И я улыбалась, глядя в зеркало. И так, и эдак. Делала и строгое лицо. Но тут же снова лукаво, серпиком, изгибала бровь и мысленно говорила: «Митенька, твои козыри биты, хитроумный план разгадан!» Я покачивала волнистыми волосами, как та симпатичная

девушка на экране, что вымыла голову душистым шампунем «Wella».

Времени до 15-00, казалось, было ещё много, но снова взглянула на будильник и обмерла: не осталось и получаса. Поест не успею, погладить юбку не успею, почистить зубы... Нет, зубы обязательно! Ещё раз. Пусть блестят, как у Юлечки...

До сквера — минут пять. Я уже не торопилась. Если немножко и опоздаю — Митя не обидится, подождёт. Он не задавака — простой, добрый, весёлый. А может быть, и нет его там — затаился где-нибудь и высматривает... Только что это?.. На лавочке, как раз на той, что ближе к нарядному киоску, — не Звонарёв, не Гришка с девятого этажа, а Серёжа. В хорошо знакомой мне синей майке, которую я зашивала. Может, всё-таки случайно здесь оказался? — растерянно подумала я. И даже увидев в руке у него зелёную веточку, всё же усомнилась. И так решила: пройду себе мимо, будто никого не заметила, будто просто гуляю или в библиотеку иду, она тут недалеко — районная детская библиотека.

Шагов десять оставалось до лавочки. Во рту у меня пересохло. Смотрю прямо перед собой, а краешком глаза тем не менее вижу: Серёжа поднимается, навстречу шагнул.

— Анюта, — слышу его тихий голос.

Кое-как справляюсь с волнением, поворачиваю голову.

— А, Серёжа. — Получилось у меня неплохо, натурально. Я по лицу вижу: какой-то он недоумевающий, сконфуженный. И, словно чужим голосом, спросил:

— Ты куда-то идёшь?

— Хочу узнать: библиотека сегодня работает?

— Анют... — Он приподнял руку. — Вот, ветка у меня.

— Зелёная... — нерешительно сказала я. А улыбнуться так и не осмелилась.

— Она из куста пиона, — объяснил Серёжа. — Тут и бутон в листьях. Он ещё не распустился. Если поставить ветку в бутылку с водой, то завтра розовые лепестки покажутся. А воду налей не холодную. В теплой скорей...

— Это я должна налить воду? — спросила я с удивлением, хотя всё уже поняла, и сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Просто немножко дурачилась. Почему-то вдруг захотелось прикинуться дурочкой. Серёжа часто заморгал и посмотрел грустно-грустно.

— Ты в почтовом ящике ничего не нашла?

— О-ой, — медленно выдохнула я. — Нам такие задачки и на контрольных не задавали. Всю голову сломала. По ветке только и

догадалась.

— Так... — Серёжа чуть нахмурился. — Выходит, меня не признала. Тогда получается, что ждала кого-то другого?

— Правильно, — спокойно подтвердила я, потому что ответ у меня был готов не сегодня, а давным-давно. — Как же я могла признать, если наша белозубка своих прекрасных глаз с тебя не сводит?

— Юлька, что ли? Соколова?

— Видишь, сразу угадал!

— Мне чихать на неё. Ни жарко, ни холодно. Пусть смотрит.

— В их классе она самая красивая.

— Ну и что? Мне, например, другая... — Серёжа запнулся, потрогал набухший бутон цветка. — Так возьмешь пион? В воду его поставишь?

— Возьму! - сказала я. — А воду, значит, тёплую налить?

— Лучше, наверное, комнатную.

Я взяла ветку, понюхала шарик розового бутона.

— Уже пахнет. У мамы духи были, запах похож. Духи давно кончились, флакон пустой, а запах внутри всё равно живёт.

— И этот хорошо пахнет. — Из джинсового кармана Серёжа достал серебристый батончик «Сникерса». Неловким движением он сунул шоколадку мне в руку.

— Здравствуйте, я ваша тётя! — сказала я почти сердито и вполне искренне. Сто раз я видела в телеке этот «толстый-толстый слой шоколада» и словно ощущала во рту «неповторимый» его вкус. А тут вот он, в моей руке. Можно ощупать, понюхать, развернуть, откусить. — Ещё чего выдумал! — совсем сердито добавила я. — Возьми-ка обратно. Очумел! Будто не знаю: он денег стоит.

— Ну и что ж, — отводя мою руку, сказал Серёжа. — А это вот (он покосился на свою синюю майку у плеча с моей штопкой), эта работа, считаешь, меньше стоит?

Я вздохнула, посмотрела на синие, блестящие буквы шоколадной обёртки.

— Да разве я из-за этого? Просто... Ну, пожалела: хорошая майка, новая, дорогая. Вот и побежала за нитками... Давай, съедим вместе?

— Вместе? Согласен, — кивнул Серёжа. — Ты разверни, а я разломлю. По-честному.

Ничего не скажешь — вкуснятина! Серёжа всё-таки «отжил» себе половинку поменьше. Я возражать не стала.

Вытерев губы, он посмотрел на часы.

— Колоссальный боевик в «Уране». Американский. Широкий экран,

звуковые спецэффекты. Говорят, круче некуда. Стрельба и ужасы. Не испугаешься? Сеанс, кстати, льготный. Через тридцать пять минут.

— После «Сникерса» ничего не страшно! — махнула я рукой.

В самом деле, стреляли много, отовсюду, с грохотом, огнём и дымом, с красными взрывами. Человек сорок побили. Но я, сама себе удивляясь, переживала почему-то не очень сильно. В иные минуты даже отключалась от того, что происходило на широком экране. Другое изумляло: сижу рядом с Серёжей, могу что-то спросить или сказать на ухо, могу даже схватить его за руку — это когда все в зале замирали и на экране творилось что-то совсем уж невероятное. Ещё недавно, ещё сегодня утром такое и в голову не могло прийти.

После «крутого» фильма Серёжа из телефона-автомата позвонил отцу. Сказал что-то, кивнул и повесил трубку.

— Деловой, — сказал он без усмешки. — Рядом тут служит, в «Континентбанке». Можем подойти, у них как раз работа заканчивается. Оттуда на машине приедем. У нас — «Вольво».

Я и тут махнула рукой. Свидание, «Сникерс», кино, машина, сам Серёжа. Гулять, так гулять!

У высоких дверей с медными сияющими ручками мы почти нисколько и не ждали. Отец его, ладный, высокий, вышел с кожаным коричневым дипломатом и сразу подал мне, точно взрослой, руку, приятно улыбнулся.

— Павел Николаевич, — представился он и добавил: — Рассказывал, рассказывал о тебе Серёжа. Ты, Анечка, чудо! Легендарная личность. Сам не наблюдал, а от людей слышал: смертельный номер по канату над пропастью.

Машина Серёжиного отца стояла недалеко, на площадке, огороженной цепью с чугунными шарами. Там, среди других машин, я узнала синий «Вольво» — не раз видела его во дворе у их пятого подъезда.

Приехали мы быстро, я ещё не успела всего рассказать: как вместе с Митей Звонарёвым протягивала между балконами верёвку и рыболовные жилки, как шили «артисту» красный костюм, приделывали живые ноги и учили его ходить. Это Павел Николаевич меня расспрашивал. Мы даже на улице минуты три постояли, пока я не закончила рассказ. Снова похвалил меня, пожал руку и поехал ставить машину в гараж.

А мы с Серёжей свернули во двор. Я подумала о маме, что она пришла с работы, а меня не застала. И, ясное дело, удивилась нетронутой кастрюле с супом и что гречневую кашу я не поела. Рассердился. Серёже я на прощание сказала лишь «спасибо», а он спросил, какой у меня номер телефона.

Беспокоилась я напрасно, мамы дома ещё не было. Я разогрела суп, кашу, поела и тарелки за собой вымыла. Теперь какие могут быть вопросы! Всё в порядке.

Когда разогревала обед, помнила о Мите. И какую-то вину свою чувствовала перед ним. Ведь была она, была. На свидание-то шла с Митей. Прихорашивалась для него. Я выглянула на балкон — не прислал ли какого послания? Пусто. Лишь тонкие жилки убегают вдаль. Верёвку мы сняли накануне. Вот зайчиком посветить бы. Но как? Солнце закрыла туча, серая, большая. И края не видно её. А ещё недавно было высокое, голубое небо. Это когда «Сникерсом» наслаждалась.

Вздыхнув, набрала Митин номер. Сначала взял трубку его брат, первоклассник. Затем подошёл Митя. Ожидала, что голос у него будет недовольный, подозрительный. Ничего подобного. Звонку обрадовался и таинственно намекнул:

— Соображаю, соображаю. Что-то придумал...

— Ты о чём? — с беспокойством спросила я.

— Про то, чтобы зеркало за солнышком вертелось. Лимонный отросток я плёнкой уже накрыл. Там, внутри, микроклимат становится как раз такой, какой нужно, благоприятный.

О Серёже я ничего не сказала. А сказать, наверное, смогла бы. Только он не спросил. О лимоне беспокоился. Ах, Митя...

В бутылку я налила кипячёной воды и поставила Серёжин подарок в кухне на подоконник. Ветка пиона смотрелась красиво и зелено.

В ЧЕТЫРЕ УТРА

Будильник я завела на четыре утра. А чтобы звонок был не очень громким, накрыла его «Анюткой». Это кукла такая, будто колокол. Чай под ней особенно вкусным (как говорил отец) заваривается. Колокол мама специально сшила. Давно. Но я в то время уже родилась, и отец тогда жил с нами в этой квартире. Он и куклу назвал «Анюткой» — симпатяшка, румяная, сероглазая и косички с бантиками по сторонам. Наверное, потому и меня чаще звали Анюткой. Я не обижалась. Мне и сейчас нравится, когда так называют.

Стул с будильником я близко-близко придвинула. К самой подушке — вдруг не услышу. Мама-то не должна слышать, она в другой комнате, зато я — засоня ужасная, это и отец повторял: «Тебя разбудить — надо палить из пушки».

Может, года в три мне, и правда, нужна была пушка, но сейчас, когда в седьмой перешла, хватило будильника. Под ватной «Анюткой» сразу его слышала. Не открывая глаз, зажала рычажок, полежала с минуту — слушала... Нет, тихо, мама спит, дверь не скрипнула. За эту минуту я снова могла бы преспокойно заснуть, но в том-то и дело—допустить такое было никак невозможно. Операция предстояла нелёгкая. Меня об этом никто не просил, никто не поручал — сама придумала. Взяла и придумала. Если всем начихать и могут только: «Ах!», «Ох!», то сделаю по-своему. Сама сделаю. С вечера достала складную рыболовную удочку (с тех пор, как отец ушёл от нас, она так и стояла в кладовке), привязала к её концу клочок ваты. В банке развела щепотку зубного порошка. Не забыла о старом халате. Самое сложное было выйти из квартиры — не скрипнуть, ничем не стукнуть. Дверь в мою комнату обязательно бы скрипнула, но я же хитрая и всё предусмотрела: ещё днём на дверные петли покапала из пипетки подсолнечным маслом.

А всё равно страшно было, шла босиком, на цыпочках. Сняла тихонько цепочку у замка, повернула рубчатый барашек. И это — почти в темноте. Взяла приготовленную удочку, банку и неслышно выскользнула на площадку. Сама не верила удаче. Вот что значит хорошо продумать.

На третьем и втором этажах лампочки не горели, а может, и не было их, но из окон на лестницу уже пробивался свет. Внизу же, как ни странно, лампочка в железной клетке полыхала свечей на сто. Освещала поцарапанные створки лифта, угол возле батареи, заплёванный шелухой

семечек. А выразительнее всего выделялась чёрная каракатица на белом потолке. Уже пятый день это уродливое, хвостатое изображение напоминало о себе, и люди жаловались на какого-то неизвестного пакостника, который взял и сотворил чёрт знает что. Я и сама утром и днём, когда ожидала кабину лифта, возмущалась про себя. И была свидетельницей, как двое жиличек вздыхают, разводят руками: «участковому надо сообщить», «нарвать хулиганам уши...» А кому нарвать? Никого же не поймали.

Можно, конечно, и не смотреть на потолок. Вошла в кабину, поехала. Но вот вчера меня озарило. Невольно подняв глаза вверх, я вдруг... увидела, скорее, угадала: да это же — фашистский знак. Там конец «хвоста» влево загнут, и там вправо. Другие, правда, не очень похожи, однако это вроде уже и не имело значения: я чётко видела отвратительную и пугающую свастику. Сейчас вижу, завтра, послезавтра... Только этого «удовольствия» не хватает мне в жизни!

Тогда и придумала свою тайную ночную операцию. Чтобы никто не знал. Даже мама. Уж мама-то ни в коем случае не должна знать и догадываться. Ни за что не пустила бы меня. Зато удивится-то! Куда подевалась эта гадкая каракатица? Кто замазал? А я и вида не подам. Только одна знаю. Вот так!.. А если про «фашистский знак» ещё кто-то догадывался? Тем более надо его уничтожить.

Чтобы какому-то злоумышленнику водить горящей свечкой под высоким потолком, малюкая препротивную свастику-каракатицу, времени ему наверняка понадобилось намного больше, чем мне замазать это гнусное свинство. Всего три раза обмакнула ватную кисть в банку с зубным порошком. От моей «побелки» потолок выглядел пока не очень красивым, но я знала: эти места скоро должны подсохнуть. «Ладно, — подумала с облегчением, — что могла, то и сделала. — А потом улыбнулась, потрянула кистью. — Фашизм в нашем подъезде не пройдёт!»

Ещё пришлось поволноваться, когда, поднявшись по лестнице, входила в приоткрытую дверь. К счастью, всё обошлось. Я быстренько поставила будильник на стол, накрыла «Анюткой», скинула халат и спрятала его в шкафу. Через минуту, взволнованная и довольная, уже лежала в своей кровати.

Я проснулась, когда дом Митьки Звонарёва всю освещало солнце. А будильник на столе показывал начало десятого. Но почему? На нём же «Анютка» должна сидеть. Значит, мама заходила в комнату, может быть, наводила порядок. И, наверно, удивилась, что я так крепко сплю, не слышу шагов. Ещё и банку с остатками мела под кроватью могла увидеть...

Мамочка, ты не тому удивлялась. Знала бы, куда твоя засоня ходила в четыре утра!

И тут мне ужасно захотелось прямо сейчас, в эту минуту, увидеть результаты своей работы. Накинула платье, шнурок с ключом на шею повесила и — к лифту. Спускаюсь в кабине, переживаю: хорошо ли вышло, не видна ли прежняя чёрная мазня? А выскочила на площадку, глянула вверх и... в груди словно запело — красотища, потолок беленький, ни пятнышка! Там всё нормально, зато под ногами, на полу, — другие следы, белые. Я догадалась: от зубного порошка. С кисти накапало. Нагнулась, потёрла пальцем. Нет, нужна мокрая тряпка... Эх, если делать, то до конца! Может, и шелуху замести?

Замерший лифт словно поджидал меня. Отлично! И пока кабина с кнопками на стенке и кривыми буквами, нацарапанными гвоздём — «Грила», спешила к четвёртому этажу, я ещё и новое полезное дело придумала: вынести ведро с мусором.

Вовремя придумала — ведро, хоть и не полное, но зачем ждать, когда будет с верхом и такое тяжёлое, будто два кирпича несёшь. В ведро положила мокрую тряпку, кусок картона — вместо совка. И венику нашлось место. С ведром в руке я почувствовала себя до удивления спокойной. Это даже хорошо, что мусоропровод почти месяц не работает. Где-то труба забилась.

Я приехала на первый этаж, вышла. Никого нет. Никто не ждёт лифта. Тем лучше. За работу! И правда: тряпка за несколько секунд справилась с белыми пятнами. У меня окончательно отлегло от сердца. Значит, всё-таки волновалась... А шелухи-то! Надо же, сколько наплевали. Бессовестные! Ладно, подмету, не гордая.

Работать совком было бы удобней. Раз пять ссыпала с картонки мусор в ведро. Только собиралась замести остатки, как раздались шаги и хлопнула дверь. Я стояла спиной и повернуться не спешила — делом занята. Но голос, который услышала, заставил меня вздрогнуть:

— Юрк, глянь, новая уборщица!

После этого, и не хотела бы, а посмотреть надо. Да, точно: губастый Грила и Юрка. Тёти Клавин. А ботинки на нём те самые, что Митя прислал «по почте». Значит, в пору оказались. Не так и заметно, что ношеные. У Грилы вообще обувь — шик: белые кроссовки отделаны синими полосками, высокий задник. А сам весь в «фирме». Рубашка с погончиками, на джинсах — иностранные нашлёпки.

— Сколько платят? — спросил Гришка. — Зелёненькими?

Я с вызовом усмехнулась:

— Зелененькими? Очень нужно! Пусть платят жёлтыми.

— Жёлтые... — Грила сдвинул густые брови. — Юрк, это какие? Марки, франки, евро? Или гульдены?

Юрка пожал плечами.

— Думай, думай, — сказала я Гришке.

— Так, — шевельнул он губами.— Динары не годятся. Лиры итальянские, шведские кроны, английские фунты. Евро — те для всех...

Он был рад, что сумел продемонстрировать свои богатые познания иностранных валют, и, вполне довольный собой, поднял глаза вверх и чему-то, кажется, удивился. Перевёл взгляд на меня, подозрительно спросил:

— Ну, если без дураков, — чего тут делаешь?

— За тобой убираю. Может, как раз ты и наплевал тут семечек. Полведра намела!

— Семечки для дураков и чокнутых.

— А ты, выходит, умный?

— Да кое-что соображаю. — Гришка покрутил пальцами у нависшего над бровями чуба. — Имеются дельные мыслишки.

Я едва не рассмеялась:

— Ты не соображаешь, а воображаешь... И вообще, идите, куда шли. Не мешайте.

— Не гони. К твоему сведению, вот сюда и собирались. — Он шагнул к батарее и ребром ладони сильно стукнул по ней.

— Если собираешься сломать, то возьми камень, — сердитым голосом посоветовала я.

— Гы! Могу и без камня. — В ту же секунду Гришка снова так треснул по батарее, что я испугалась за его руку.

— С ума сошёл! Это ведь железо.

— Не железо, а чугун. Хрупкий. Разбираться надо. А-а, что с тобой говорить — малява. Про чугун вы ещё не проходили.

Точно: воображала! Сам-то лишь в восьмой перешёл. Не обращая больше внимания на мальчишек, я смела на картонку оставшийся мусор, ссыпала в ведро и вышла во двор.

РАЗГОВОР С МАМОЙ

В это утро Серёжин пион наконец-то распустился. Сделался большим и открыл все-все розовые лепестки. Цветок принесла из кухни в комнату. Сразу так приятно запахло. Жалко, что в бутылке стоит. Даже как-то неудобно, будто лучшего не достоин. Например, вазы. Но ведь есть у нас ваза. Резная, хрустальная. И дорогая. Раньше мама её и трогать мне не позволяла. Но то было раньше. Теперь-то не маленькая, не разобью. Я открыла стеклянную дверцу буфета, осторожно достала тяжёлую вазу. Да, это не бутылка! Десятки гранёных лучиков, кружки, узоры.

Через пять минут в центре стола на белой салфетке величаво высилась прекрасная ваза с прекрасным розовым цветком. Я не могла налюбоваться. С нежностью подумала о Серёже. Однако тут же почему-то вспомнился Митя Звонарёв и как недавно посылала ему на балкон воздушный поцелуй. Я удивилась и, покачав головой, сказала себе: «Изменница». Потом, конечно, вздохнула, отнесла бутылку на кухню. По маминой записке собралась в магазин. Я открыла дверь и вызвала лифт. Минут через двадцать вернулась с батоном и пакетом молока. Ах, забыла взглянуть на почтовый ящик. Снова спустилась вниз. Ящик оказался пуст. Что ж, газету приносят не каждый день. А письма тем более. Но я не жалела, что во второй раз оказалась на площадке первого этажа. Было приятно вновь видеть чистый, беленький потолок. И что возле батареи подмела — тоже молодец. Я прошла в угол, ощупала острое ребро чугунной батареи. Надо же, как саданул по ней. Руки не жалко. Передо мной выхвалялся. А то, что без камня мог бы разбить, это пусть другим лапшу вешает на уши.

Приехав на свой этаж, я вошла в комнату и зажмурилась. На зеленоватых обоях сияло такое яркое пятно, не пятно даже — целое блюдо! — что в самом деле смотреть больно. Солнце не пожалело света и на цветок с пионом.

Митька, кажется, и меня в комнате разглядел: в следующую секунду из передней напомнил о себе телефон. Точно, это был Звонарёв.

— Видишь? — как всегда, с напором спросил он. — Сделал! Всё-таки получилось! Теперь час могу не подходить к зеркалу, а зайчик, как миленький, будет тебе светить. Представляешь, какой лимонище можно вырастить?! Я читал: у одного любителя даже на килограмм потянул.

— Мить, спасибо тебе пребольшое, только зачем заливать-то? Не бывает таких лимонов. Это уже почти арбуз.

— Вовсе не заливаю, правда, читал в газете.

— Хорошо, верю, верю, — сдалась я..— Лучше скажи, как заставил вертеться зеркало?

— Придумал! — засмеялся изобретатель. — Напряг извилины... А что там за цветок у тебя в вазе? Розовый... Это на столе, да?

Я, наверное, немножко покраснела. Спросила, будто даже изумилась:

— Неужели видишь?! Так далеко.

— Сначала не видел, а зайчик настроил — розовое и засветилось.

— Это пион, — сказала я. — В хрустальной вазе стоит.

От кого цветок, я уточнять не стала. А Митя не спросил.

Но какой, действительно, мастер! Всё-таки изобрёл этот хитрый механизм! Пять минут прошло, десять — солнце продолжало светить в моё окно. Хотя чуть-чуть сдвинулось, теперь стала хорошо видна фотография на стене. Я, мама и отец. На море. Я не всё помню, маленькая была. Поэтому отцу нисколько и не тяжело держать меня на плечах. Даже рад, улыбается. Белые зубы блестят. Отчего же ушёл от нас? Из-за того, что другую женщину полюбил? Мне обидно. Но маме-то ещё больше. Странно только: снимок не спрятала, не порвала, наоборот — на стену повесила. В рамочке. Вот Настя Козырева (мы за одной партой сидели), у неё тоже отца нет, тоже ушёл из дома. Так её мама сожгла все фотографии, а одну, с выколотыми глазами, послала ему в письме. Настя, когда рассказывала, сделалась вся бледная, кулаки сжала и добавила в конце: «Так ему и надо! Пусть всегда помнит, пусть ослепнет!» Я промолчала, не знала, что сказать, но мне это не понравилось: взять и проткнуть иголкой глаза. Всё-таки он отец, может, и сейчас любит её...

Ещё с полчаса зайчик от Витькиного зеркала глядел в моё окошко и освещал фотографию. Наверное, из-за этого на душе у меня было смурно, печально, не хотелось выходить из комнаты, даже спускаться на лифте и любоваться чистым потолком.

А мама с работы пришла в хорошем настроении — наконец-то выдали сразу за два месяца зарплату. Она купила продуктов, моего любимого шоколадного масла и килограмм клубники. И ещё весёлым голосом сообщила о совершенно удивительном происшествии: на потолке, перед лифтом, куда-то исчезла чёрная безобразная мазня.

— Просто чудеса! И главное, никто не слышал, не видел. Не иначе, сам негодник втихаря постарался замазать. Видно, совесть проснулась.

У меня хватило сил сдержать радость. А вот не сказать про цветок пиона я не смогла.

— За вазу, мамочка, ты не ругай, очень уж цветок красивый. Это

Серёжа мне подарил. Зорькин. У них машина, синяя «Вольво». Видела?

— Зорькины? — мама с интересом посмотрела на меня. — Анютка, не узнаю тебя. Серёжа цветок дарит, Митя солнечные зайчики в окно пускает. Чем привораживаешь?

— Это я привораживаю? Да ты что! И не думала. Они сами...

— А волосы зачем по плечам распустила?

— Косу заплести? — покорно спросила я.

— Можешь две косички. С бантиками. Очень хорошо — девочка с бантиками.

После ужина ели из большой тарелки клубнику. В моей комнате сидели. У стола. На нас смотрел пышно распустившийся пион. И те трое смотрели, с фотографии в рамочке.

Я откусила половинку ягоды и спросила, немного волнуясь:

— Ты не сердишься на него? — кивнула на фотографию.

Мама поняла и вопросу, кажется, не удивилась.

— Всё правильно: ты когда-то должна была поинтересоваться. Да, было, дочка, сердилась, плакала. А сейчас — нет.

Я рассказала о Насте, которая мечтает, чтоб отец ослеп.

— Глупо, — вздохнула мама. — В том, что у нас с Павлом тогда произошло, видимо, больше я виновата. То ли не умела любить. То ли не ценила. Наверное, не всё в нём понимала. Он — человек увлекающийся, с фантазией. Начнет что-то мастерить — не оторвешь. Или ещё что придумает. О таком говорят — творческий. Не одними бытовыми делами занят. А мне бывало обидно. Потом я много думала, анализировала. Но было уже поздно. Так кого винить? Хорошо, что сообразила — не стала ни его, ни себя позорить, никому не жаловалась. Потому и отношения человеческие сохранились, иногда письма присылает. И деньгами всё же помогает. Значит, помнит. О тебе всегда спрашивает.

В глазах защипало. Я прижалась к маме. Она погладила меня по голове и протянула ягоду:

— Возьми-ка эту. Самая вкусная.

ДЕНЬГИ С НЕБА

Я проснулась от света. Опять Митенька старается — свою солнечную машину подключил. Теперь надо будет с вечера шторы задёргивать. От его зайчика, а лучше сказать, огромного зайца в комнате раза в два светлей делается.

На этот раз шторой загораживаться не стала. Подняла глаза: прямо над головой — фотография. Сразу вспомнила маму, и очень захотелось её увидеть. На работу ещё не ушла, вот что-то стукнуло в кухне.

— Сонюшка-засонюшка встала, — встретила она меня ласковым голосом, словно и сама помнила и думала о вечернем разговоре.

— Если встала, то не сонюшка, — сказала я и обняла маму.

— Тёплая моя. — Она села на табурет, прижала меня к себе и гладила, гладила шею, руки, спину. — Рыбонька золотая. Худюшенька.

— Мам, разве я худюшенька?

— А — вот, вот. Все позвоночки слышу. Вот один, ниже — второй, третий. И четвёртый тут, пятый...

— Ой, щекотно!

— Ну и довольно, помиловались. — Она поднялась с табурета. — На работу пора.

— Мам, за молоком не сходить? Я браслетку на руку закончу и освобожусь. На неё штук четыреста бисеринок понадобится.

— Хватает у тебя терпения?

— Это что! Десятиклассница из какой-то школы настоящую картину вышила. Храм Христа Спасителя. Двести двадцать тысяч бисеринок ушло. И ни одна не лопнула. Посмотреть бы. Целый год вышивала. Вот где терпение-то!.. Так молоко нужно?

— Лучше бы кефира. Оладушки испечём.

— Оладушки — чур я! Очень просто. Два яйца взбить с сахаром, влить кефир, всыпать муки, а в тесто добавить подсолнечное масло, соду.

— И соли не забудь.

— Знаю! Тыс работы придёшь, на столе — горячие оладушки!

— Ох, Анютка! Когда ты подросла?..

После ухода мамы я умылась, ягод поела, сменила в вазе воду. За ночь пион ещё пышнее сделался.

Моего бодрого настроения, возможно, и на целый день хватило бы, но... только вышла внизу из лифта, меня будто холодной водой окатили: на

потолке угрюмо чернели три пятна. Безобразные, ненавистные. На этот раз от сгоревших спичек. Ну, негодяй! Это, значит, специально! Всем назло! Кто же такой? Неужели Гришка?.. Вообще-то, похоже. Почему в тот раз ничего не сказал о свастике-каракатице? А на потолок ведь посмотрел. После ещё спросил, чего, мол, я делаю тут. Словно не видел, что мусор подметала. Странно: о железе рассуждал, о хрупком чугуне. Только о свастике (пусть и не совсем свастика) — ни словечка. Вот бы выследить, убедиться. Ох, тогда бы!.. А что тогда? Разве его чем испугаешь? Он сам кого хочешь перепугает.

Я совсем расстроилась, вздохнула тяжело и отправилась в магазин. Не порадовалась и кефиру в цветастом пакете.

Шла себе вдоль длинной нашей многоэтажки, ни о чём хорошем не думала. Издали посмотрела вверх: не видно ли Митинового солнечного луча, который пронизывает пространство между домами до самого окна моей комнаты? Напрасно старалась — ни луча не заметно, ни прозрачных натянутых жилок. Хотя нет, жилки все же видны. Смотрю на них, и тут в воздухе что-то мелькнуло, как большой мотылёк. Или лист от тополя? Но отчего это в июне листьям отрываться от веток? Сделала несколько шагов, ясно вижу: деньги. Ассигнация. Серенькая—десять рублей. Как раз такой в магазине сейчас расплачивалась. Вот так листочек! Лежали бы деньги в траве, не очень бы удивилась. А эта — прямо с неба! Подняла голову. Пригляделась. Кажется, кто-то на тополе... Ага, точно. Отступила чуть в сторону — между веток лицо показалось. Не Юрка ли?

— Эй, — крикнула, — кто там сидит?

Не ошиблась: Юрка. Молча слезает, пыхтит. Ниже, ниже. Чёрные ботинки, подмётки знакомые, с бороздками. Наконец соскочил на землю.

— Отчего такой сердитый? — спрашиваю его.

— Дело невесёлое.

— Хочешь, развеселю? Ты ничего не потерял?

— Я?.. Нет, не терял.

— А это? — показала на траву. — Разве не твои деньги? Или с неба просто упали?

— Деньги? — Юрка полез в карман, вытащил штуки четыре таких же сереньких ассигнаций. — Ага, моя. Это я платок доставал, она и...

Я подняла бумажку, подала Юрке:

— Богатый. Носовой платок в другой карман клади. Или вот сюда. — Я тронула верхний карман на его зелёной клетчатой рубашке и почувствовала пальцами острый уголок. И что-то тихонько брякнуло. — Спички? — спросила я. — Вот чудеса, не думала, что куришь.

— Все курят, — хмуро заметил Юрка.

— Так уж все! Вот Митька Звонарёв — не курит.

— Который собирался идти с шестом по верёвке?

— Да, тот самый. А тебе, значит, обязательно сигаретой подымить надо? В киоске разве не видел, сколько денег стоит пачка?

— Добуду, если надо.

— Не расскажешь, где добыть?

Юрка будто усмехнулся:

— У тебя не получится.

— Темнишь, Юрок. Ну-ка скажи, для чего на тополь залез?

— Сказал же — невесёлое дело. Подозрительное. Бабка Марья, что на втором этаже, под нами, так вот, не отзывается она. Несколько дней никому не открывает. Мама вчера стучала к ней. Я сейчас стучал. Не открывает. Я и залез на дерево. Да без толку. Жёлтые занавески висят, ничего не видно.

— Может, куда-нибудь уехала? — сказала я, но и сама не поверила, что бабушка могла уехать, совсем же старая, волочит ногу.

— Дочери бы её сообщить, — подумала я вслух. — Где-то в Северном микрорайоне живёт. У неё ключи должны быть.

— Ничего не видно, — повторил Юрка. — И стёкла отсвечивают. На верёвке бы из нашего окна спуститься, поглядеть.

— Скажи спасибо, что с дерева не свалился! — строго, как наша учительница по математике, сказала я. И добавила: — А зачем ты с Грилой в наш подъезд заходил?

— Просто зашли.

— Раньше с ним дружбу вроде не водил. Он тебя научит!

— А ты не указывай, с кем дружить!

— Не указываю. Только наш подъезд во второй раз изгадили. Спичками в потолок выстреливали.

— В нашем тоже насажали чёрные пятна, — сказал Юрка и нахмурил брови. — Во, дают, артисты!

СОНЯ-ЗАСОНЯ

Что мне оставалось? Смириться? Или всё ж стоять на своём? Но как было смириться? Каждый день проходить туда и обратно через подъезд, видеть гадкие пятна? А наглец (может, и не один) от такого прикола будет радостно потирать руки? Ну, разве можно это терпеть? Кому-то и наплевать, а мне... Тогда не надо было и возникать, вставать в четыре утра. А в самом деле, почему ввязалась в эту историю? Я что, самая правильная? Самая глазастая, что фашистскую свастику разглядела? Самая-самая сознательная? Ерунда! Не такая уж хорошая... Так что, бросить всё, махнуть рукой? Только обидно же — дурачкам этим, вредителям и хамам уступить.

Я даже с Митькой советовалась, позвонила ему по телефону и рассказала о пятнах в подъезде и что никому не известно, кто эти безобразия устраивает. Митька ничего путного не сказал. Принялся фантазировать: если бы установить где-нибудь следящую видеокамеру или тайный фотоаппарат, чтобы злодея заснял на плёнку, когда станет поджигать спички. А для этого нужен специальный датчик, который реагирует на свет... Я не дослушала:

— И пять милиционеров к тому датчику!

Он на меня не рассердился, но сказал с укором:

— Эх, снова не веришь в технику. Ведь зеркало я сделал, работает. Хочешь, принесу отросток лимона? Он ещё под плёнкой, но пусть у тебя стоит. Я же теперь освещаю окно.

Мне стало как-то стыдно, человек старается, придумывает, а я всё сомневаюсь, вздыхаю. Вот тебе и хорошая, сознательная!

— Приходи, Митя. Можешь и вечером сегодня. Оладьи с мамой будем есть.

— До вечера долго. Лучше сейчас.

На придумки и на ноги Митька шустрый. И пяти минут не прошло — звонит у двери.

Открыла ему, а он пальцем погрозил:

— Почему не спросила: кто там?

— Я и так знала.

— Всё равно спрашивай. Теперь много всякого подозрительного народа развелось. Поглядел сейчас на пятнышки у вас в подъезде. Тоже ловкачи какие-то поработали.

— Не ловкачи, а злодеи!

И так вдруг захотелось рассказать верному другу о моей войне с этими злодеями. Только нельзя же — тайна.

Горшок с тонким стволиком и пятью листиками, накрытый прозрачным колпачком, Митя устроил на подоконнике, который уже начало освещать наше послеобеденное солнце. Ещё он сказал, чтобы плёнку пока не открывала, а воду надо наливать в блюдечко — росток сам выпьет, сколько захочет. Покончив с этими ценными наставлениями, он посмотрел на пышный пион.

— Красивый, — оценил уважительно.. — Два дня у тебя цветёт.

Я побольше вдохнула воздуха и... решила:

— А знаешь, кто мне его дал?

Он опять не спросил, но я всё равно сказала:

— Серёжа Зорькин. В нашем доме живёт.

— Я знаю, из седьмого «б». Хороший парень. А гляди, — показал Митя на лепесток, — начал вянуть... Молоток у вас есть?

— Зачем тебе?

— Увидишь.

Я принесла из кухни молоток. Митя достал ветку из вазы и на подоконнике слегка поколотил конец стебля.

— Не думай, ему не больно. Если бы сразу так побить, он бы лишний день, а то и два простоял.

— Ты, Звонарёв, на все руки мастер, — похвалила я и спросила: — А чем он хороший, Зорькин?

— По-моему, не задаётся... Что ещё? Не глупый. Может сорок раз от пола отжаться. Да, ещё бицепсы накачал классные.

— А Грила с нашего девятого этажа тебе известен?

— А как же, его все знают. Вождь. Крутой. Его и большие парни вроде побаиваются.

Мы ещё немного поговорили, и Митя заспешил домой — братишка один остался.

— Если туч завтра не будет, то с утра начну греть лимон, — уже в дверях пообещал Митя.

Будто и меня согрел этот недолгий разговор. Митя — друг. Настоящий. И было приятно, что сказала ему о Серёже, не утаила. Он не обиделся, даже похвалил. Тогда-то я окончательно и решила: сдаваться не стану. Не надейтесь, не радуйтесь!

Эту мою решимость, сама того не подозревая, укрепила и мама. Она возмущалась, ругала работников домоуправления, депутатов, городскую

администрацию. Я не выдержала и рассмеялась: — Мам, ты ешь оладушки, пока тёплые. И не волнуйся, жильцы сами справятся. Ведь заметила — кто-то же стёр то первое безобразие.

— Да разве жильцов это дело! На что тогда контора их жилищная, мастера, начальники? Квартирную плату вон как подняли, а когда надо, когда что случится — до них не дозвониться.

Она правильно говорила. Недавно у соседки тёти Нины кран потёк. Три раза с нашего телефона звонила, уж как умоляла — никто не пришёл. Дедушка Леонтий с первого этажа выручил.. Седой весь, один глаз не видит, а пришёл, починил. Что-то вставил, ключом подкрутил, и всё наладилось. Я напонила маме о дедушке Леонтии.

— Только на него и надежда, — кивнула она. — На инвалида, без году восемьдесят лет. А молодые... Ах,— она поморщилась, — ветер, акции да наркотики в голове.

— Ну, — возразила я, — не все же такие. — Митя Звонарёв отросток лимона сегодня принёс. Зайчиком будет освещать, говорит, что лимоны вырастут огромные, в чашку не поместятся. А про акции какие-то, про наркотики он и понятия не имеет. Такой вот Митя.

— У него свой интерес.

— Интерес? — Я вроде не поняла. — Какой такой интерес?

— Нравишься ему... И по мне когда-то, хорошо помню, — запечалилась мама, — один мальчик в шестом классе вздыхал.

— А потом?

— Потом нос ему разбили. Думаю, из-за меня.

— А он?

— Перестал вздыхать. Потом другие поглядывали...

Перед тем, как лечь в кровать, я сделала несколько важных дел. В-первых, положила в прозрачный кулёк с десяток оладушек и записку: «Великому изобретателю и лимоноведу! Отведай и мои кулинарные шедевры. Л. А» Перевязала кулёк ниткой, прикрепила к леске и отправила гостинец к далёкому балкону. Второе дело заняло времени не больше минуты. Закрылась в ванной на крючок, отсыпала в банку ещё немного порошка, размешала в воде. Банку отнесла к себе в комнату. И последнее — будильник. Снова поставила его на стул и накрыла «Анюткой». Потом выключила свет и легла. Надо было снова хорошенько обдумать операцию. В прошлый раз не всё получилось: забрызгала мелом пол. А выход-то простой — подстелить газету. Их, старых газет, полно в кухонной тумбочке-табурете. Тумбочку тоже папа сделал. Удобно: открываешь сиденье, а внутри — эти самые газеты, которые когда-

то из почтового отделения приносили и в ящик бросали... Да, не забыть ещё после «операции» стрелку будильника сдвинуть хотя бы на цифру «8». Чтобы мама не догадалась. Ну всё, теперь закрыть глаза и спать, спать... Да не тут-то было — вместо этого неожиданно вспомнились мамины слова: «У него свой интерес». Про Митю сказала. Правильно, тут и спорить нечего. Но согласиться с тем, что кто-то разбил бы ему нос, пусть до крови, и Митя после этого перестал бы разговаривать со мной, звонить, пускать в окно солнечный зайчик, — в такое верить я не хотела...

Будильник сработал точно — зазвонил в четыре утра. Теперь дело за мной. Что ж, постараюсь. И на этот раз пошла босиком. Каменные ступени за ночь остыли, но холода я не чувствовала. Волновалась. А тут еще со страху подумала: не встречу ли внизу этих самых злодеев? Спускалась я тихонько-тихонько. И даже вздрогнула, когда случайно задела газетой деревянные перила. Фу, трусиха! На площадке у лифта никого не было. Тотчас расстелила газету, поболтала концом удочки в банке. А забелить три пятна и того проще. Вот и всё, закончила. Я осторожно сложила газету. Быстро как. А столько времени готовилась. Может быть, рискнуть и в соседний Юркин подъезд зайти? Тогда уж никто на меня не подумает.

Я открыла дверь, выглянула во двор. Уже рассвело. И — никого. Конечно, все спят. Если только собаку кто вывел... Но и собаки не заметила. Решилась. Подъезд же рядом, шагов двадцать. Прошла мимо тополя, на который Юрка залезал. Вот трава, где лежали деньги. Откуда у него деньги?.. Однако подумать об этом было некогда. Открыла чуть скрипнувшую в подъезде дверь. Не обманул Юрка — потолок в таких же чёрных пятнах. Да сколько их! В своём подъезде было не так страшно. А здесь здорово трусила. Вожу кистью по потолку, вожу, в пятый или шестой раз обмакиваю её в банку. Казалось, и конца не будет. И с огромным облегчением вздохнула, когда сделала последний мазок. Сложила мокрую газету, засунула её за батарею. Совсем легко стало. Прислушалась. Тихо. Лишь вверху, где-то, наверное, в трубе журчит вода. Не у бабушки ли Марьи? Вот подняться бы, постучать к ней. Может, всё у неё в голове перепуталось, ведь совсем древняя. Днём, например, крепко спит, а ночью, наоборот, — вспоминает молодые годы, старые карточки в альбоме пересматривает. Бабушка Марья добрая, сидит на лавочке у подъезда, каждому поклонится.

Неожиданно щёлкнул выключатель. Не поняла, где, но услышала так отчётливо, будто рядом. Я чуть не задрожала. Быстренько подхватила банку и — в дверь.

Страх словно острыми коготками вцепился в меня и не отпускал до

той самой секунды, пока не переступила порог своей комнаты. Лишь там успокоилась, несколько раз глубоко вздохнула и с насмешкой подумала о себе: «Ой, и трусиха же!»

Я очень долго не могла уснуть. О чём только не передумала. Наверно, это хорошо, когда много думаешь. Полезно. Всякие интересные мысли появляются. Почему, например, у Юрки столько денег было в кармане? Мама его никак с долгами не расплатится, а он чуть не выбрасывает ассигнации. И бахвалится: «Если надо, ещё добуду!» Спички откуда? Тоже странно. Я рукой карман чуть тронула, они и забрякали. Ясно: коробок был не полный. Остальные что, истратил? Такой заядлый курильщик? Да врёт он. Никогда не видела его с сигаретой...

Не знаю, когда уснула. На будильник последний раз смотрела — без четверти пять было.

А проснулась, глазам не поверила: одиннадцатый час. Ну и ну! Значит, ни солнечный зайчик, сиявший в зеленоватых листочках лимонного отростка, не стал мне помехой, ни позднее время. Действительно, соня-засоня.

НОВОСТИ

Бывает, за целый день ничего не происходит. А сегодня — сразу столько событий! И даже не за день, а всего лишь в утренние часы, пока я спала. Открыла глаза, наклонилась — взять шлёпанцы под кроватью, глядь — банки нет. Мама взяла? А кто же ещё? Ох, вполне могла догадаться: там же остатки мела были. Глупая тетеря! Надо было на улице выкинуть. Вымытую банку нашла на кухне. Потом заглянула в кладовку. Удочку мама не увидела. Это хорошо. А если всё же спросит про банку, можно сказать: свои белые босоножки чистила. Но поверит ли? Она ведь не могла не удивиться, когда выходила из лифта, что пятна на потолке снова пропали...

Я могла бы и дальше ломать над этим голову, но тут одно за другим обнаружилось такие обстоятельства, что мигом забыла про банку с мелом. Сначала посмотрела на знакомое окно противоположного дома, откуда ярко светил зайчик, потом — на Митин балкон: вдруг не заметил мешочка с оладушками и те до сих пор висят? Мешочка нет. Но... и самой лески... Точно, нет лески. Вечером была, а сейчас... Я поспешила на свой балкон. Да, исчезла. Только какая-то царапина белеет на крашенных перилах. Не успела удивиться этой новости, как обратила внимание на соседний подъезд, где толпился народ. Человек пятнадцать собралось, что-то обсуждают. Уж не о чудесах ли с чёрными пятнами?

Навострила уши. Что-то не очень похоже. Говорят тихо, лица печальные. Неужели?.. Я не успела додумать, раздался телефонный звонок. Я тотчас прошла в переднюю.

— Слышала? — сказал Митя. — Бабушка в вашем доме умерла. Подъезд рядом с твоим.

— Бабушка Марья? — Я догадалась об этом минуту назад.

— Ходил сейчас туда, но в квартиру никого не пускают. Ей, говорят, восемьдесят два года было. Больная. А ещё говорят, — я услышала, как Митя испуганно понизил голос, — не от болезни умерла, а с голоду. Несколько дней не ела. Ты меня слышишь?

Я задохнулась, не могла и слова вымолвить.

— Говорят, никакой-никакой пицци у неё не было.

— Но дочь... — вспомнила я, — в Северном районе живёт. Разве не могла что-нибудь принести?

— Не знаю. Мне Юрка сказал: у неё даже сухой корочки хлеба не было.

— Когда же бабушка умерла?

— Юрка сказал: может, вчера, может, и два дня назад. Она давно никому не открывала дверь.

— А Юрку откуда ты знаешь? — подавленно и не к месту спросила я.

— Ну, в одном дворе всё-таки живём. И в школе сколько раз видел. Шустрый. Слышал, что он даже машины моет.

Я очень удивилась, но сказала о другом:

— Нашу леску кто-то оборвал. Вчера была, а сегодня...

— Да, видел: оборвана. Я уже смотал её. Ворона могла сесть. Она тяжёлая, как курица. А если сразу две...

— Вороны?.. А ты оладьи мои видел? Вороны не склевали?

— Ишь чего, перебьются! Мы сами с братишкой съели. Спасибо! Понравилась. Получше, чем «двойной слой шоколада «Кэддбери».

— Не надо, Митя, шутить. — Я вздохнула. — Бабушку очень жалко.

Страшная новость будто камнем придавила меня. Ещё утром, несколько часов назад, я думала о бабушке Марье как о живой, будто сидит она, молодость вспоминает, карточки в альбоме смотрит. А в это самое время лежала мёртвая. Исхудала, наверно, без еды, без сухой корочки.

Надев босоножки, я отправилась во двор. Мысли о неожиданной смерти бабушки так давили, что, выйдя из лифта, забыла посмотреть на потолок. У соседнего подъезда всё ещё стояли люди. И молодые, и дети, а больше старушки. Тихие. Грустные. Ничего нового я не услышала. Лишь узнала, что покойницу недавно увезли на санитарной машине и что глядеть на умершую было страшно — до того исхудала и почернела.

Кое-что без всяких моих расспросов сообщил Юрка: он видел, как в присутствии милиционера вскрывали дверь квартиры бабушки Марьи. Ему даже удалось побывать там. В самом деле, никакой еды не обнаружили, дверца в пустом холодильнике была открыта. Бабушка лежала на кровати лицом вверх, руки на груди сложены. Дочь бабушки разыскать не смогли, потому что уехала за какими-то товарами в Турцию. И вообще, дочь — пьяница, у матери не была с самой зимы.

Грустно-грустно мне стало, чуть не до слёз, и говорить о несчастной бабушке я просто не могла. Потом я усмехнулась через силу и сказала:

— Что ж ты, Юра, меня обманул? Нет у вас в подъезде никаких чёрных пятен.

— Ага, сейчас-то нет, — охотно подтвердил Юрка. — А вчера были. Сам видел. Потом куда-то подевались. Но я догадался: кто-то их вытер. Газету за батареей нашёл. Это утром нашёл, когда дверь у бабушки ещё не

вскрыли. Газета мокрая была, в мелу.

«Эх, — обругала я себя, — тетеря! Опять сплеховала. И банку поставила под кровать, и газету сунула за батарею. Ну почему же не могу до конца всё продумать?»

Я совсем расстроилась, даже позабыла спросить Юрку о машинах. А ведь очень хотелось узнать — правда ли, что моет их на стоянке?..

ДЕДУШКА ЛЕОНТИЙ

Дедушка Леонтий сидел на лавочке перед подъездом и смотрел на небо. О чём-то думал. И солнышку, наверно, радовался — оно такое тёплое, ласковое. Ещё миллионы лет сиять ему на синем небе и дарить людям вечную благодать. Всем людям — детям, старикам. И бабушка Марья радовалась бы сейчас солнцу, да нет её теперь, кончилась жизнь, завтра зарюют в землю.

Всё это как-то мигом представилось мне, когда на лавочке увидела сухонькую фигуру седого дедушки Леонтия. Я видела его и у подъезда среди печальных людей. Я могла бы пройти сейчас мимо и ничего не сказать, но отчего-то показалось это неудобным. Я чуть наклонила голову:

— Здравствуйте, дедушка.

— Здравствуй, золотая, — ответил он и посмотрел на меня зрячим глазом.

Хороший человек дедушка Леонтий. Это он починил нашей соседке кран на кухне.

Теперь спешить было некуда, я вошла в подъезд и оглядела потолок. Чистенький. Приятно... Ну, а вдруг завтра опять? Они же не успокоятся. Им лишь бы напакостить. Знать бы точно — кто? Наверно, тут милиционер нужен с натренированной собакой. Она бы по следу нашла... Хотя вот дедушка Леонтий... если бы захотел... Вон его дверь с номером «41». Чуть приоткрыть дверь, самую малую щёлочку оставить — можно и увидеть.

Я снова вышла из подъезда и улыбнулась дедушке:

— Тоже на солнышке погреюсь. Не помешаю вам?

— Да с великим удовольствием. Буду рад.

Я присела на тёплую лавочку и решила честно объяснить, почему не поднялась на свой этаж, а вернулась сюда, на воздух.

— Дедушка, вы не заметили, что сегодня у нас снова побелили потолок?

— Как же, моя золотая, всё заметил.

— А что — всё? — с интересом и в то же время с беспокойством спросила я. Может быть, он и меня видел?

— Таинственные вещи творятся. Кто-то пакостит, а кто-то доброе дело делает.

— Но кто же пакостит?

— Вот этого не знаю. В жизни — всё тайна. А сама жизнь,

по присловью, как арбуз — полоска тёмная, полоска светлая. Померла Марья Ивановна, царствие ей небесное, — полоса тёмная, а добрый человек нашёлся — полоска светлая.

— Значит, следующая — опять тёмная? — огорчилась я.

— Да вряд ли... — Дедушка поморщил сухие, как перезревшие стручки гороха, губы. По голосу я поняла: улыбнулся.— Вряд ли, — повторил он, — всё-таки пуганул я его.

— Кого?

— В том и дело — не знаю. В половине двенадцатого чайник на плиту поставил. Жду, когда закипит. И слышу: что-то будто как чиркнуло. Потом — снова. Глаз давно потерял, а слуха бог меня не лишил. Я — к двери. И запах почуял. Раньше-то курил, запахи не отличал А бросил курить, как собака, теперь — носом чувствую. Палёной спичкой пахнет. Тут и догадался, цепочка на двери подвела. Звякнула не ко времени, тот, видать, услышал да из подъезда — шашь! Не разобрал, кто. Но роста вроде небольшого. Видно, мальчонка.

— А как был одет? — спросила я.

— Штаны, рубашка... Или куртка? Не заметил.

— Штаны не синие? Не джинсы?

— Ох, золотая, не скажу. Секундное дело — мелькнул, и нет его.

— Думаете, сегодня он не придёт?

— Вряд ли. Думаю, побоится, — сказал дедушка. — Не полный же дурак. Только вот если на спор затеял паскудство это или, к примеру, в карты проиграл, тогда другое дело. Тут, как говорится, никуда не денешься, сам себе не хозяин.

— А можно мне вечером прийти к вам? — спросила я.— Очень хочется узнать, кто это вредит. Вместе бы подежурили. Я книжку вамчитаю. Могу вымыть посуду.

— Нет-нет, золотая, в такое время малым деткам спать полагается. А посторожить и я могу. На цепочку закрываться не стану. Мне и самому дюже бы интересно паршивца застукать.

Ай да молодец дедушка! Ему бы ещё ружьё — всех бы злодеев в плен взял.

— Дедушка Леонтий, я в магазин собираюсь. Если что нужно, я вам куплю заодно. Вы скажите, я — мигом!

— Ишь, какая проворная! А я что? По зренью-то инвалид, но хожу, слава Богу, без палки.

— А мне это вообще! Раз, и сбегала! Хлеба принесу, молока — пожалуйста! Хоть два литра.

— Два-то зачем? Пакета хватит. Сварю рисовую кашу. С детских лет люблю её.

— Я могу вам сварить.

— Господи, — несердито вздохнул дедушка Леонтий. — Откуда взялась ты такая? Пожалуюсь мамке. Приглядывай, скажу, Зинаида, за дочкой. Влюбилась твоя Анютка в старого деда.

Мы вместе рассмеялись, и дедушка сказал:

— Раз вызвалась, пойду за деньгами. Пенсию инвалидам войны, спасибо, платят приличную.

Миг не мигом, а минут за пятнадцать управилась. Дедушка Леонтий всё так же сидел на лавочке. Уж он удивлялся! И головой покачивал, и разводил руками, а на хлеб и картонный пакет молока смотрел, как на царский подарок. Потом достал из кармана конвертик.

— А это подарок невесте: букашка-таракашка. Не открывай пока, дома посмотришь.

— Дядя Леонтий...

— Дядя? Спасибо. Значит, уже помолодел.

Я совсем смутилась:

— Мы же так не договаривались. Я что, разве из-за подарка?..

— Анюта, стариков надо уважать. А ты споришь.

Конечно, я не выдержала — в лифте посмотрела. Ого, букашка-таракашка! Это была стрекоза с золотистыми крыльями. А глаза на головке огромные, зелёные. Четыре ноги. И застёжка сзади.

Дома я приколола брошь на платье. Ну-у, все девчонки упадут! И красуля Юлечка, и Наташа с ямочками...

В зеркале я увидела своё весёлое лицо. Увидела и... тут же поразились. Смеюсь, довольна, а бабушка Марья... Совсем забыла о ней. Разве так можно? Не права ли мама, может, и верно, что сердца у меня нет?..

НОМЕР «51»

За продуктами для бабушки я в магазин сбегала, а про нас с мамой забыла. Только когда подогрела суп и села к столу, сообразила, что хлеб-то и нам понадобится. Собралась, взяла сумку. Спустилась на лифте вниз. В почтовом ящике, кажется, лежала газета. Сквозь дырочки было видно. И я почему-то сразу вспомнила о Серёже. Номер своего телефона тогда ему сказала. Но не позвонил. Ни разу. Может, пожалел, что на шоколадку потратился? Да ещё кино... Что же там в ящике, за круглыми дырочками? Белое. А вдруг — конверт? Я снова погнала лифт вверх. Сняла с гвоздика ключ от ящика. И через минуту уже открывала зелёную дверку с нарисованным номером нашей квартиры: «51».

Напрасно так спешила, кроме привычной цветной газеты — ничего. Даже потрясла её. Пусто. Реклама, реклама. В рамочках, разными шрифтами, даже на самом верху примостилось синенькое объявление: «Кондиционеры... Тёплые полы... Вентиляция...». Как раз на этом месте — на прежних, старых газетах — стоял написанный от руки тот же номер «51». Я знала: это на почте писали, чтобы не запутаться, когда рассовывали газеты по ящикам.

«А ведь и на той газете, — вдруг подумала я, — что затолкала за батарею в Юркином подъезде, должен быть номер нашей квартиры. Я же из тумбочки брала газеты. Вот балда-то!.. Интересно, куда Юрка девал её?..»

Рекламную газету я положила в пакет с ручками и вышла во двор. На лавочке у соседнего подъезда старушки всё обсуждали печальное происшествие. Я посмотрела на окно во втором этаже, где жила бабушка Марья, потом на высоченный зелёный тополь. Как Юрка не побоялся забраться на него?..

Юрка. Что за человек? О бабушке так волновался. А спички, деньги?.. Дедушка Леонтий сказал: «мальчонка». И бегают Юрка быстро, как заяц. Увёртливый. С Гришкой подружился. Что у них общего? Гришка в восьмой перешел, Юрка — в пятый. А Грила тёмный ребус. Не Грила, а настоящий горилла. Не то что батарею в подъезде, он и дом ломает... Может, правильно дедушка догадался, что Юрка-дурачок в карты проигрался? Грила и заставляет его вредить, даже в собственном подъезде.

Эта мысль показалась столь убедительной, что я уже не сомневалась: злодеи они оба — Грила и Юрка. Вот так история! Разволновавшись, я не

заметила, что из магазина в эту минуту вышел спортивный, подтянутый Серёжа со своим рыжеватым, вьющимся чубом.

— Какая встреча! — неожиданно услышала я. — Телепатия! Анют, могу побожиться: секунду назад думал о тебе.

Серёжа словно светился от радости. Даже крокодил с раскрытой пастью, что грозил с его белой майки острыми клыками, не мог меня обмануть: Серёжа очень рад встрече.

— Здравствуй, — сказала я. — Ты из магазина?

— Хлеба купил. Почти горячий.

— О, здорово! Тоже люблю горячий. — Конечно, и я не могла скрыть своей радости. — Обождёшь меня?

— Что за вопрос! Хоть до вечера! Вот здесь, у киоска буду. Прессу пока посмотрю.

Долго ждать Серёжу не заставила. Расплатилась, опустила в сумку тёплую буханку и — скорее к киоску. Увидев в его руках газету с заголовком «Коммерсантъ», уважительно спросила:

— Политикой интересуешься?

— Куда же без неё. Рынок, инвестиции, цены. Весь мир трясёт от нестабильности. — Говоря это, он стал похож на отца. — А ты читаешь прессу?

— Надо. Куда же без неё! — ответила ему в тон и раскрыла сумку. — Рекламная. Раньше и другие выписывали. Мама когда-то сама давала заметки в молодёжную газету. Вот какая она у меня — писательница.

— А ты не пробовала? По её-то стопам. Язык у тебя подвешен. Инициативная. С фантазией. Кто бы ещё придумал то грандиозное представление с канатоходцем! Могла бы, кстати, об этом и написать. Наверняка напечатали бы.

— Во-первых, я не умею. Не пробовала. Во-вторых, чего же сама буду писать? На это корреспонденты есть, репортёры там, операторы. В-третьих, придумала не я, а Дмитрий Звонарёв. Вот у него, действительно, фантазия! Водопад! В-четвёртых...

— У тебя сколько их: в-пятых, шестых?..

— В-четвёртых — было последнее. — Я вытянула руку, покрутила в запястье. — Нравится браслетка?

— У-у-у-у... — длинно протянул Серёжа. — Любая индианка позавидует. Произведение искусства!

— В семь рядков, пятьсот пятнадцать бисеринок. Видишь, по цвету подобраны.

— Презент на день рождения?

— Презент? — повторила я красивое слово. — Нет, сама себе подарила. Да такого в магазине и не увидишь. Средний рядок — красненький. Рубиновый.

— Как тот пион, — сказал Серёжа. — Ещё жив? Не выбросила?

— Что ты! Берегу! В расплавленный воск собираюсь окунуть. Чтобы на века.

— С тобой не соскучишься, — засмеялся Серёжа. — А я сейчас иду и думаю: обязательно позвоню. Твой номер на память выучил.

— Так долго учил? — не удержалась я от лёгкой иронии.

— На дачу ездили. А вчера в специализированный магазин ходил «Фототовары». Цветную плёнку купил. Обращаемую. Для слайдов. Она редко теперь бывает. Понимаешь, что это?

Я пожала плечами.

— Позитивное изображение получается. Не на карточку то есть, что в ателье делают, а на большой экран. Через проектор. Как в кино. Помнишь, смотрели?

— Такое не забудешь, стрельбы и трупов было полно.

— Зачем стрельба и трупы? Я же тебя стану фотографировать. Где-нибудь в парке, в красивом месте. Сядешь с цветами в руках, будешь улыбаться.

— Серёж, — печально сказала я, — ты слышал, что в нашем доме умерла бабушка Марья?

— Слышал. Там дверь пришлось вскрывать. С милицией и свидетелями, как положено.

— Она от голода умерла.

— Ну, не только от голода. Ей было очень много лет... Но всё равно, ужасно... Мы что, посидим? Или к дому пойдём?

— Где же тут сидеть?.. Пойдём домой.

— А я, правда, вот прямо сейчас собирался позвонить тебе. Можно бы в парк сходить. Там замечательные места есть. Пруд. Четыре белых лебедя плавают. Ивы на берегу. Для съёмки лучшего места не найти. Но сегодня... — Серёжа приподнял руку с часами. — Пожалуй, поздно. Вот завтра с утра... Ты не занята утром?

— Серёж, каникулы ведь. Дачи у нас нет. В лагерь теперь поехать — проблема.

— На цветной плёнке, при солнце — красота! Да на большом экране. Обалдеть! Нет, это надо видеть! Слайд есть слайд! Даже с видеокамерой такого эффекта не получается.

— А если тучи будут?

— Не будут! — потрянул чубом Серёжа. — Не посмеют! А станут собираться — ты скажешь: «Тучи, тучи, прочь от солнца!» И уйдут. Стыдно же, просто грех обижать такую хорошую девочку.

— Серёж, ну зачем ты? Может быть, грех это — быть в такой день весёлым и счастливым. Я как подумаю: голодная лежала, руки скрестила на груди.

Серёжа нахмурил под чубом ровные, густые брови:

— Но и так ведь нельзя: будто мы не видим по телевизору, сколько беспризорных, несчастных, голодных, искалеченных. Бомбы рвутся, всякие террористы, убийства по заказу. А сколько беженцев, без кола, без двора, без пищи. И что ж, перестать улыбаться?

— Всё я вижу, Серёжа, но это где-то. Далеко. Не в нашем городе. А бабушка Марья здесь жила, на втором этаже. У неё даже корки хлеба не было. Пустой холодильник. И мне... вот честно, прямо стыдно—я оладушки как раз пекла. С мамой объедались. В сметану макали, с сахаром. Ну, разве не стыдно?

— Не согласен. Однозначно и категорически! — Серёжа энергично замотал головой. — Так, к сожалению, а скорее, к счастью, всегда было, есть и будет. Это закон жизни — здоровые и больные, бедные и богатые. Кто-то умирает, кто-то в эту же секунду рождается. Вот плохо, что страна у нас бедная. В Америке, кто нуждается, получает пособие.

— И что, ждать, когда страна разбогатеет?

— Анют, ты классно сечёшь. Правильно. Нет другого выхода. А людей, конечно, жалко...

Мы уже подходили к дому.

— Так что, мы с тобой договорились? — спросил Серёжа и рукой чуть притронулся к моим волосам. — А для такого чуда, — добавил он голосом томным и ласковым, словно у рекламной девы в телевизоре, — фирма рекомендует превосходный шампунь «Wella».

Я была готова не на шутку обидеться:

— Серёжа, никуда с тобой я не пойду. Издеваешься.

— Аня, Анюта, Анюточка, ну прости. Больше не буду... Платье, кстати, лучше надеть какое-нибудь с цветами или в яркую клетку. Найдётся?.. Ох, какие же слайды выйдут!

Нет, с обидой ничего не получилось. Сказала, что есть голубое платье с белыми кружочками.

— Колоссально! Тогда лично распорядюсь, чтобы не было никаких туч, — сказал Серёжа. — Утром позвоню. Обязательно.

Я сделала сотни две лишних шагов: обошла дом с другой стороны.

Почему-то не хотелось идти мимо подъезда с жёлтыми занавесками на втором этаже, где жила бабушка Марья, и... Возможно, и прав Серёжа: ведь кто-то в ту минуту и появился на свет... А погода... что ж, пусть она будет хорошая. Солнце, голубое небо — это же здорово.

МИНИСТР ФИНАНСОВ

Я сделала по меньшей мере три ошибки. Первая: не надо было заранее доставать голубое платье и гладить его. Вторая: не надо было мыть голову и расчёсывать волосы, которые, по словам Серёжи, достойны шампуня «Wella». И третья ошибка: надо было постучать по дереву, когда пожелала хорошей погоды. А я забыла, не постучала.

И все планы рухнули. Никакой прогулки в парк с прудом и лебедями. Никаких съёмок на цветную обращаемую плёнку. Испортилась погода. Дождь, правда, не шёл, но мог начаться в любую минуту. По низкому небу плыли нескончаемые серые тучи.

Я не знала, как к этому отнестись. Вроде бы что же тут хорошего, но странно — вздыхать и печалиться почему-то не хотелось. И как только я поняла, что в самом деле не переживаю, не расстраиваюсь, мне сделалось привычно легко и просто. А в парк ведь можно в любой подходящий день пойти.

Я сразу подумала о маме — сегодня воскресенье, ей некуда спешить, отдохнёт. И я не стану спешить... Только бы вот спуститься вниз, посмотреть на потолок...

В кухне я увидела маму, она резала на доске красные кулачки редиса, а горка резаного лука уже зеленела в тарелке.

— О, салатик будет! — сказала я и тут же поинтересовалась: — А укроп у нас есть?

— И без него сойдёт.

— Нет, мамочка, не сойдёт, — решительно возразила я. — В нём — витамины и запах такой хороший... А зеленью, ты же заметила, рядом с нашим магазином торгуют. Даже столы специальные поставили. Там и лук старушки продают, и укроп, и петрушку.

Я добилась своего — мама спросила:

— Может, тогда сбегашь?.. Возьми пучок. Да поторгуйся.

— Это само собой. — Я побежала надевать туфли. Побежала, а минуту назад говорила себе, что не стану торопиться.

— Куртку надень! — успела сказать мама.

С нашего четвёртого этажа лифт спускался секунд семь или восемь. Вполне хватило времени, чтобы в сотый раз с досадой вздохнуть, глядя на стенку кабины, изуродованную гвоздём, — «Грилла». Ничего не жалко ему. Изверг какой-то... Приехала.

Створки двери разошлись. Я шагнула вперёд, но прежде чем заметила белый потолок, увидела Гришку. Да что ж это такое?! В прошлый раз вышла подмести — он тут как тут. И сейчас. Будто нарочно поджидает. Ещё и улыбается. Фирмач несчастный!

— Привет, Анютины глазки! — весело подмигнул он. — Куда разбежалась?

— А тебе, Прошкин, какое дело? Иду, куда надо.

— Я думал: опять подметать вышла.

— Ты думал! Лучше бы соображал своей дурной головой, когда гвоздём в кабине царапал!

Наверняка никто другой не посмел бы бросить такие слова Прошкину, но я почему-то была уверена — мне это сойдёт с рук. И сошло — Грила только изумленно поднял брови, посмотрел долгим взглядом:

— Грубишь, Анютины глазки. Плохой у тебя характер. Кошку бы, что ли, себе завела или собаку.

— Ещё скажи — крокодила!

— Крокодила уже завела.

— Ага, в ванне держу! Воды в неё налила.

— Не в ванне, — мрачно уточнил Гришка, — в пятом подъезде.

До меня вдруг дошло: это он — о Серёже. Точно, на майке у Серёжи — крокодилова голова с разинутой пастью. Значит, видел, как вчера возвращалась с ним из магазина. Я не нашлась, что ответить, дёрнула плечами и вышла в дверь. Поёжилась — прохладно, однако. Умница мама, без курточки было бы совсем — бр-р... Взглянув на окно в первом этаже, я остановилась. Повернула голову к двери, послушала... Пожалуй, Гришка уехал на свой девятый. Я вернулась в подъезд. Кнопка вызова лифта светилась красным. Поднялась на три ступеньки и позвонила у дверей с почтовым ящиком.

Дедушка Леонтий не хвастался, говоря о хорошем слухе. Дверь почти тут же открылась.

— Доброе утро, дедушка, — сказала я. — Можно на минутку?

— Аннушка, да проходи, конечно!

Я потрогала висевшую на косяке цепочку.

— Ни-ни, не закрывался, — живо кивнул дедушка Леонтий. — Дежурил. Прямо как на посту. Могу доложить: вредитель не приходил. Видно, я не на шутку испугал его.

— Дедушка, в магазин иду. Сегодня холодно, можете простудиться. Что вам купить? Только сразу договоримся — мне подарков никаких не нужно. А то рассержусь и красивую стрекозу положу в ваш почтовый ящик.

— Ну ж, бедовая! — покрутил головой дедушка. — Как боевой командир... Ладно, от буханки ржаного не откажусь, а килограмм сахару купишь — совсем хорошо.

— Годится. Всё доставлю!

Во мне закипела энергия. Три ступеньки, десяток шагов до открытой двери, и — я во дворе. Ещё десяток шагов понадобилось, чтобы догнать Наташу. Она была в джинсах и куртке с поднятым воротником, а над головой держала зонтик.

— Привет! — улыбнулась я. — На Северный полюс собралась?

— Совсем наоборот — на Южный. Там же теперь зима, ужасный холод. — На щеках у Наташи засветились весёлые ямочки. Её шутка была мне по душе.

— А зачем тебе на полюс? Свидание с пингвинами?

— Это бы классно. А так просто деловая встреча. Обещали фломастеры со скидкой на двадцать процентов.

— Какие добрые пингвины, — сказала я. — И зачем же тебе фломастеры?

— Мои кончаются. А я люблю работать ими. Красный — расходы, синий — приход. Но главный, конечно, для меня цвет — зелёный.

Я ничего не поняла. Наташа с лукавой насмешкой посмотрела на меня.

— Не хлопай глазами. Моя должность — министр финансов. Да, Анюточка, министр уже целых четыре месяца. Когда в феврале мне исполнилось двенадцать, папа издал приказ: назначить министром. Веду домашнюю книгу учёта. Считаю на компьютере. Всё отмечаю в графах. В седьмой графе, между прочим, записываю зелёным цветом.

Вконец поражённая, я уже ни о чём не спрашивала. Хотя было ясно, что эта седьмая графа какая-то особенная. Не дождавшись моего вопроса, Наташа объяснила:

— В ней отмечаю свои доходы.

На этот раз я не смогла не изумиться вслух:

— Свои доходы?!

— А как же иначе, всякая работа должна оплачиваться.

Мне всё показалось так интересно, что пошла проводить Наташу на троллейбусную остановку.

— Значит, папа тебе выдаёт заработную плату?

— Естественно. И она зависит от того, как правильно и экономно спланируем семейный бюджет. Я тоже участвую в планировании.

— И сколько же ты получаешь?

— Это вопрос, Анечка, некорректный, но я отвечу:

получаю нормально.

«Темнит, — недоверчиво подумала я. — Если нормально, то чего же в дождь собралась идти за дешёвыми фломастерами?» И я не выдержала, снова задала не совсем корректный вопрос:

— Двадцать процентов льготы — это ведь немного. Правильно?

— Естественно, сумма скромная. Только у папы твёрдый принцип: если не думать об экономии, то никогда не будешь обеспеченным человеком. Я папе доверяю, согласна с ним.

— А как считать, — спросила я, — если человек пошёл в магазин? Допустим, за хлебом. Это тоже работа?

— В принципе, да. Возьми почтовых работников. За доставку газет они берут дороже, чем стоит сама газета. То есть больше ста процентов.

— То на почте, — сказала я. — А если в магазин послала мама?

— В принципе, без разницы. Пусть не сто процентов заплатит, а меньше. Но у каждого человека должны быть свои деньги. Хотя бы на карманные расходы.

— Но ведь можно попросить.

— Каждый раз унижаться? Это глупо и несправедливо.

Я с удовольствием продолжила бы такой удивительный и неожиданный разговор, но вверху закачались провода, и за широким рефрижератором показались дуги троллейбуса.

— К универмагу еду, — закрывая чуть намокший зонтик, сказала Наташа. — Там, на площади, целый городок коммерческих киосков поставили. Некоторые товары можно дешевле купить. Учти.

К магазину я шла, не замечая дороги. Свои деньги... Вообще-то неплохо, удобно. Вон Серёжа тогда купил «Сникерс», потом спокойно достал из кармана деньги на билеты в кино. Может, и ветку пиона пришлось ему покупать... Конечно, если на тридцать-сорок рублей купить продуктов, принести их в сумке домой, то все деньги до копеечки, может быть, отдавать маме не обязательно... Или всё-таки... Ох, Наташа, как-то не сходится. Значит, купить хлеба и взять за это плату, проценты?.. Нет, даже смешно.

Вот и магазин. Рядом и торговцы зеленью. Мне понравилась старушка в белом платочке и с синими-синими, как васильки, глазами. У неё и укроп был вроде как зеленой, и сами пучки побольше. Торговаться я постеснялась, но всё равно с удовлетворением подумала, что у других торговки за такой пучок пришлось бы уплатить дороже... Вот и были бы свои деньги. А если взять ещё с дедушки Леонтия...

За хлебом пришлось постоять. Только что привезли тёплый хлеб, и

продавщицы из деревянных лотков выкладывали на полки румяные батоны и ладные кирпичики ржаного. И в кондитерском отделе отоварилась не за минуту. Разве не работа? Если даже десять процентов — ого, какая сумма!

Потом, возвращаясь к дому, я отругала себя за такие мысли и подумала, что «министром финансов» мне не быть. Ни желания нет, ни подходящих данных. Решила и к бабушке не заходить, постучу, отдам в дверях и — к себе. Однако не получилось. Бабушка Леонтий за это время сменил рубашку и даже побрился.

— Нет, золотая, — сказал он, — уважь старика. Не откажись выпить за компанию чашку чая. Вот только-только заварил. У меня и смородинное варенье имеется.

— Бабушка, мама ждёт. Я всего-то за укропом побежала, а времени прошло...

— Зинаида меня простит, она добрая душа. А чайник — вот он, на столе, не задержишься. У меня ещё новое соображение насчёт вредителя имеется. Тебе же интересно?

Я сняла туфли и прошла в комнату.

Бабушка налил в чашку пахучего чаю, а на блюдечко положил варенья.

— Пей, дорогая гостья... А соображение, как говорится, следующего порядка: вот ты спросила давеча — в рубашке он был или в куртке. Вспомнил: в рубашке. За это ручаюсь. Пёстрая вроде такая.

— В клеточку? Зелёная? — живо спросила я.

— Может, и в клетку, может, и зелёная. Но чтобы точно — грешить не стану, не заметил.

Я отпила немножко из чашки, пригубила варенье.

— Спасибо, бабушка.

— Мне-то за что? Это я, золотая, тебя должен благодарить.

— И меня не за что. Правда-правда.

— Я так понимаю, — улыбнулся бабушка Леонтий, — решила взять надо мной шефство.

— Не знаю, — смутилась я. — Просто мне нравится. Приятно, что помогла. Не верите? Честное слово, я не вру, на душе так хорошо становится.

— Анята, — дрогнувшим голосом и неожиданно строго сказал бабушка Леонтий, — ты сама погляди и матери передай: если кран течёт или там засорится раковина — сразу ко мне. Может, на днях поднимусь к вам, батареи прочищу. Не помешает.

«КОЗОЧКА»

Можно было легко представить, какими словами меня встретит мама. И потому, едва открыв дверь, я громко сказала:

— Мамусь, извини, пожалуйста, не ругай, не бей. Повстречала Наташу и заболталась. А дедушка Леонтий обещал прийти к нам и прочистить батареи. Чаю заставил выпить с вареньем. Вот и задержалась. Зато укроп купила — самый лучший. И дешёвый. А запах! Понюхай. Только сначала сядь, а то упадёшь.

Понятно, что никаких неприятных слов мама и не сказала. Более того, рассмеялась.

— Тебе, дочка, в театре сатиры выступать.

— В театре? Не отказалась бы. — И я тут же вошла в роль. — А про Наташу расскажу — точно, со стула свалишься. Отец её выпустил указ — назначить Наталью Сомову министром финансов. Представляешь, Наташку! Сидит перед компьютером, считает, планирует семейный бюджет — что и сколько купить и вообще всякие расходы, доходы.

Мама падать не собиралась и чуть грустно сказала:

— Домашние игры. А Илью Сомова, отца её, знаю давно. Талантами Илья не отличался, попивал. Любил погулять, компании весёлые любил. Да видишь, в люди выбился. Теперь — старший экономист в какой-то фирме. А главное — семья сохранилась.

Мама совсем запечалилась. Ясно: вспомнила о своём муже, то есть о моём отце. Я поторопилась отвлечь её от мрачных мыслей:

— Обожди, это не всё: Наташа зарплату получает.

Мелко нарезав веточки укропа, мама велела мне вымыть руки и садиться к столу. Уже потом, разложив по тарелкам салат, она заметила:

— Игры играми, а наверно, и польза в них какая-то есть. Кто сейчас разберётся: как жить семье, что делать, кого слушать. Как он создаётся, этот микроклимат в семье?

— Мам, — с почтением сказала я, — ты у меня умная. Недаром когда-то в газету писала. А вот не хочешь и сама какой-нибудь важный указ издать и назначить меня...

— Тоже министром?

— А что, не справлюсь? Только финансовым не хочется. Если бы каким-нибудь другим... Хотя подсчитать, спланировать я бы, наверно, могла. Деньги платить мне не надо. Не хочу. Я и так бы с

удовольствием...Вот, например, какие-нибудь украшения из бисера делать. Я и других девочек могла бы научить. А если захотят мальчишки участвовать...

— Обожди, госпожа министерша, — вдруг вспомнила мама, — пока ты ходила по укропным делам и чай распивала, Серёжа тебе звонил.

— Серёжа? — У меня застучало в груди. — И что он сказал?

— Анют, ты, похоже, испугалась? Ай-ай! А ещё министром хочешь стать.

— Вовсе не испугалась. С чего ты взяла? Просто интересно узнать.

— Он ничего не сказал. Обещал позвонить позже. Кстати, очень вежливый. Извинился, что побеспокоил.

И правда, из-за чего разволновалась? Он ведь должен был позвонить. Обещал. Я знала об этом.

Мы о чём-то говорили с мамой, я согласно кивала головой, отвечала, а думала о Серёже. И прислушивалась. Телефон молчал.

Острым зубцом вилки я наколола кусочек редиса и подумала: «Но почему Серёжа? Будто один Серёжа на свете».

— Вкусно. Больше не хочется, — сказала я маме и пошла в переднюю. Сняла трубку, набрала Митин номер. Длинные гудки. Раз, два, три... до семи досчитала. Никого.

— Анют,—с укором сказала мама, — наберись терпения. Ты должна понимать...

— Да вовсе не ему. Я Митьке звоню. Наверно, на садовый участок уехали.

— Ах, Ми-итя... — протянула мама.

— Да, Митя, — с вызовом сказала я. — Очень хороший мальчик. Видела, какой лимон подарил? И своим зеркалом его освещает. Специальный механизм изобрёл — зайчик всё время в моё окошко глядит. Жалко, что небо сегодня в тучах.

— А косички, смотрю, так и не заплетаешь.

— Ну, мама, имею же я право! Мне больше нравится, когда волосы распущены.

— Имеешь, дочка, имеешь, не спорю. Взрослой становишься.

— Тебе это неприятно? — спросила я. — Неприятно, мама, да?

— Отчего же, всё правильно. Жизнь идёт.

Мне передалось мамино настроение. Прижалась к её плечу.

— Не грусти. Ты у меня ещё молодая. И красивая. Можешь удостовериться, погляди в зеркало — ни одного седого волоса. Не пожалей денег, сделай модную причёску.

— Анюта, прекрати! Нашла молодую! И о причёске ли думать! Вон Клава. Почти на два года младше меня, а какая жизнь. Кто позавидует?

— Мам, — сказала я, — у нас салат остался. Можно, я отнесу тётке Клаве? Вдруг она из дома не выходит? А на Юрку надеяться... — Я махнула рукой, повторила по-маминому: — Ветер в голове. И глупости...

Моя забота маме понравилась.

— Хорошо придумала. Сейчас переложу в банку... Да, — опять вспомнила она, — что у тебя за банка под кроватью стояла? Вроде как мел разведён.

— Босоножки подбеливала, — не моргнув глазом, ответила я. Как хорошо, что заранее придумала.

Эти же босоножки я и надела. И куртку с вешалки снимать не стала — подъезды рядом.

Первое, что сделала, — оглядела потолок у Юркиного лифта. Слава Богу, беленький. Не напрасно поработала. Затем подошла к батарее. Газеты там не оказалось. В мусоропровод выбросили? А что же я сама не догадалась? На втором этаже немножко постояла у двери бабушки Марьи. Даже ухо приложила к щели. Но тотчас отпрянула, что же в пустой квартире можно услышать? Бабушки нет. И больше никогда не будет. Я тупо посмотрела на банку в своей руке и тихонько пошла наверх.

На мой короткий звоночек (боялась, что тётя Клава лежит в постели, может заволноваться) дверь неожиданно быстро открыл Юрка. Да так широко, будто автомобиль собирался пропустить. Я удивилась, покрутила пальцем у виска.

— Рехнулся? — сказала шёпотом. — И спрашивать надо. Откроешь, а там — грабители.

— Я тебя из окна видел! — громко рассмеялся Юрка.

— Не кричи. Тётя Клава дома?

— Зачем она тебе?

— Но я спросила первая.

— Ладно, отвечаю: дома её нет.

— А где она?

— Но теперь же твоя очередь отвечать!

— Ох, хитрюга! — Я усмехнулась. — Пришла передать тётке Клаве салат. Мама приготовила. Доволен?

Юрка тоже усмехнулся и снял с рукава зелёной клетчатой рубашки белую и закруглённую, как запятая, стружку.

— Она ушла в парикмахерскую.

— Куда-куда? — изумлённо переспросила я. — Уж не делать ли

завивку?

— Может, и завивку. И маникюр. У неё послезавтра день рождения. Гости придут. И обязательно Леонид Васильевич. А кто такой Леонид Васильевич, не скажу. Не нашего ума дело.

— Значит, мама уже не болеет?

— Таблеток наглотается, как козочка бегаёт.

— Зачем о матери так говоришь?

— Это не я, Леонид Васильевич называет её козочкой.

— Салат всё-таки возьми. И сам можешь поесть. Салат с укропом, пальчики оближешь. — Я протянула банку и заглянула в открытую дверь кухни. А там этих стружек-завитушек — весь пол усыпан.

— Ого, наработал! Это что мастеришь?

Юрка понюхал закрытую банку и недовольно сказал:

— Что надо, то и делаю.

— Фу, какой ты! — вздохнула я. — Колючка... Да можешь и не говорить — сама догадалась. Вон, лежит она.

— Кто? Где? — нахмурился Юрка.

— Не кто, а щётка. На подоконнике. — С таким грязным полом снимать босоножки было бы смешно, я прошла в кухню и взяла с подоконника новенькую деревянную щётку с белым длинным волосом. Сказала уверенно: — Вот и дырка для палки. Обстругаешь,ставишь — хороший подарок для мамы на день рождения.

— Попала пальцем в небо. — Юрка поднатужился и снял с банки крышку. Тотчас вкусно запахло укропом, луком. Вилку из ящика он не успел достать. Я твёрдо положила ему на плечи ладони и приказала:

— А ну, дыхни на меня!

— Придумала чего-то, — пробурчал он в сторону.

— Да ты дыхни... Ага, боишься!

— Боюсь?! На! На! — Юрка ростом был пониже меня, и он даже привстал на цыпочки. Наверное, в две банки не поместилось бы столько воздуха, сколько он выдохнул мне в лицо.

— Всё ясно, — удовлетворённо заключила я. — Ты врун. Верить тебе нельзя. Никакой не курильщик. Совсем не пахнет дымом и табаком.

— Сегодня, правильно, не курил.

— И вчера не курил. И раньше.

— Да откуда ты знаешь?

— Знаю, Юра. Точно знаю. Ну, раз такое дело — покажи сигареты. Давай, показывай.

— Сейчас у меня нет. Кончились.

— Не выкручивайся. И раньше не было. Ведь не было?

— Да иди ты! Было, не было. Нужны мне эти вонючки!

— Ага! Ага! — сильно обрадовалась я. — Сознался.

— Ну и что?

— А то... — Я потрогала карман его рубашки. — Сегодня нет. А почему тогда был коробок со спичками? Когда с дерева слез. Скажешь, не было?

— Ты зачем пришла? — покраснев, спросил Юрка. — Салатом угощать? Не нужен. Забирай обратно!

— Не тебе принесла, а тёте Клаве. А про спички, Юрочка, мне известно, для чего они. Да, известно: это ты зажигаешь их и стреляешь в потолок.

Он не вздрогнул и в лице не изменился:

— А ты видела? Сама всё врешь! Выдумала! Что я, дурак, чокнутый — в своём подъезде спичками стрелять!

— Та-ак, — дивясь Юркиной увертливости, протянула я. — Ловко ты... И станешь отказываться, что моешь машины?

— Машины... — Мальчишка прищурился, посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на банку. — Ух, пахнет!

— Да поешь, поешь, — разрешила я.

Из выдвижного ящичка он взял не вилку, а ложку. Ухватил побольше. Прожевал, наконец.

— А чего такого? Ну, мою. На стоянке. Хороший бизнес.

— Щётка тоже для машины? — показала я на подоконник.

— Вещица что надо! И две ручки приделаю. У одного пацана видел. Удобняк!

— Гришка тоже моет? —спросила я.

— Грила? — удивился Юрка. — Ему-то зачем? Мойка — работа грязная.

— Интересно! — сказала я. — Машины не моет, а прикид у него... очень даже клёвый.

Юрка будто не услышал меня. Снова принялся жевать. — Это козочке оставлю.

— Юра, опять ты...

— Что, Юра? А знаешь, кто отвалил ей бабки? Хочешь быть красивой, сказал я, иди в парикмахерскую.

— О-о! Так ты, выходит, сейчас хозяин в доме. Главный!

— А что поделаешь, кручусь.

— Юр, хотела ещё узнать: кто это в вашем подъезде замазал пятна?

И в нашем замазали. Чудеса!

— Не знаю, — пожал он плечами. — Видел запачканную газету, за батареей была...

— И куда же ты её девал? — не удержалась я от опасного и подозрительного вопроса.

— Кого? Газету?.. Куда девал?.. А куда же ещё — выбросил.

ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА

У Юрки я пробыла не менее получаса, а когда вернулась домой и увидела в передней наш зеленый телефонный аппарат, то сразу вспомнила Серёжу. Поэтому и у мамы прежде всего спросила о звонке. А она поняла так, будто я очень и очень переживаю, словно только и думаю о нём. Я даже обиделась на маму: ерунда какая, вовсе и не переживаю! И зачем ему звонить во второй раз? Ясно же: солнца сегодня не будет. Ни одного синего пятнышка на небе. Из кухни, где мама гладила занавески, я прошла к себе, села у окна и сквозь мутноватую пленку мешочка, закрепленного ниткой на горшке, с минуту рассматривала лимонный отросток с шестью зелеными листочками. Кажется, все такой-же. И Митино солнышко не очень помогает. Ой, да нет — тонкая стрелочка появилась. Вот же! И листочки на ней остренькие, как иголки. Ну и Звонарев! Жаль, что на участок уехал. Порадовался бы.

А потом я посмотрела на стол, где в хрустальной вазе по-прежнему стояла зелёная ветка пиона. Сам цветок ещё накануне я отстригла ножницами — скукожился, увядшие лепестки опали на стол. Но ветку выбрасывать пожалела. Вчера пожалела. А сейчас подумала: чего ей место тут занимать? Простая ромашка, василёк, и то будут лучше. Я руку уже протянула — вытащить ветку, но ... вдруг опять засомневалась. Листья сочные, тёмнозелёные, как у телефонного аппарата. Пусть ещё постоит.

И перед мамой стало как-то неудобно. Ничего же обидного она не сказала, только снова, как и в первый раз, повторила: «Наберись терпения». А я вспыхнула, словно спичка: «Это, мамочка, мои проблемы!» Ох, дурочка, капризуля-воображуля. Теперь надо идти, подлизываться.

Оказалось, что не надо. Мама и не думала обижаться. Лишь сказала, увидев меня в дверях кухни:

— Так что же с Клавой? Как она там?

— А вот не угадаешь! — обрадовалась я.

Потом, конечно, рассказала. Особо выделив тему парикмахерской и таинственного Леонида Васильевича.

— Молодая ещё. Кровь играет. Ей бы подлечиться как следует, отдохнуть — она бы наделала шороху. Говорит, что когда-то в танцевальных конкурсах участвовала.

— Мам, — сказала я, — но ты ведь тоже не старая. Очень даже молодая.

— Анют, жизнь-то какая. Фантасты бы не придумали. К осени сапоги надо покупать — чуть не месячная зарплата. Кое-что из одежды, о косметике я уж не говорю. Да и ты растёшь, взрослеешь. Сапоги ещё весной были тесны...

— Мамочка, не проблема, обойдусь. — И я опять с загадочным видом сказала: — Лучше отгадай кроссворд. Слово из трех букв: откуда, по-твоему, тётя Клава взяла деньги, чтобы сделать модную причёску?

— Если Леонида Васильевича заподозрить, то он пока не муж.

— Холодно. — Я покачала головой.

— Не в «Поле чудес» же выиграла.

— Это и вовсе Южный полюс. Там сейчас зима.

— Не мучай, не знаю.

— Вот эти буквы: Ю, Р, А. Поняла? Юрка. Он финансирует свою маму.

Я рассказывала с удовольствием. Мама даже утюг сняла с газовой горелки. Потом она села и закачала головой:

— Ничего уже не понимаю. Весь белый свет перевернулся. Ведь совсем недавно отнесла Клаве ботинки для Юры. Она была благодарна...

СЛЕД НА ПЕРИЛАХ

Свои коричневые сапожки на маленьком каблучке, с застёжками-молниями я надела на тонкие чулки. Перед этим подстригла ногти. Всё было бесполезно, большой палец упирался в твёрдый носок. Особенно в правом сапоге. Всего-то и прошлась по комнате, боль — хоть плачь!

Тут и раздался телефонный звонок. Я машинально взглянула в окно — небо, как и вчера, серое, солнца нет. И всё-таки звонит? Я поспешила в переднюю, от волнения даже не ощущая боли. А голос не Серёжи. Но кто же? Бог мой, Митьку не узнала!

— Привет! Как жизнь здесь у вас в городе? А я три дня был на участке. Вот где малина! То есть малина ещё не поспела. Зато клубника!

— Мама уже покупала, — вспомнила я.

— Не знаю, какая там на базаре, а нашу — на всемирную выставку можно! Эх, не порвалась бы жилка — послал бы сейчас подарочек.

— И так подарил, спасибо. На лимоне веточка появилась.

— Да ну! — так искренне обрадовался Митя, словно по лотерее выиграл.— С листочками?

— Совсем махонькие.

— Через полгода посмотришь!

— Помню: лимонице с футбольный мяч!.. Мить, извини, у меня чайник на плите.

В кухне действительно на чайнике позвякивала крышка.

К телефону я только что бежала, забыв про сапоги, пройти же на кухню было невозможно. Чёртов палец! Я сняла сапоги, выключила газ. Едва успела налить чаю и взять в холодильнике половинку плавленого сырка, как у двери раздался звонок. Митя? Да, он. И, конечно, с дарами — двухлитровая банка красной клубники. Отказываться было бесполезно. Да и язык не повернулся бы. От одного вида ягод дух захватывало.

Не только обо мне подумал Митя — и о лимонном кустике позаботился: выложил из кармана два пузырька. В одном — размешенная древесная зола, в другом — крапивный настой. Накормив кустик, внимательно рассмотрел новый росток.

— Скелетная веточка. Эта вымахает, не успеешь оглянуться.

— Неужели всё-таки настоящие лимоны вырастут?

— С футбольный мяч не гарантирую, а с твой кулак... Ну-ка, сожми кулак... Точно, такие будут! Только не ленись ухаживать. Удобрять, почаще

опрыскивать, солнце само собой.

— Ты до сих пор не объяснил, как у тебя солнечная установка действует.

— Главная установка — здесь. — Митька не без гордости постучал себя пальцем по крутому лбу. — А не разгласишь идею? Может, Нобелевскую премию за неё схлопочу. А механика такая...

Из его объяснений я лишь поняла, что в сложном повороте зеркала участвуют пружина, рычаг и банка, из которой вода по трубочке вытекает в кастрюлю.

— Ты прямо инженер настоящий, — с уважением сказала я.

— А не можешь, Митя, придумать, как вот этому большому пальцу (я скинула шлёпанец и показала на палец), как бы ему расширить площадь? Не желает он жить в сапоге. Злость берёт, так бы и обрезала его вместе с ногтем.

— Бедный. Даже покраснел, — сказал кандидат на Нобелевскую премию. — Нет, отрезать жалко. Очень хороший палец.

— Говоришь, тесно ему? Дай-ка гляну на сапог...

Всё обследовал Митя. Снаружи. Рукой ощупал и внутри. Наконец сделал такое заключение:

— Сапог надо растянуть. Туда, где палец, вставим округлую деревянную чурочку, а вторую — у каблука. Потом вбиваем постепенно клин.

— Митенька, ты гений!

А мысль изобретателя уже бежала дальше: не налить ли внутрь сапога горячей воды или напустить из чайника пару?..

От горячей воды и пара я категорически отказалась. А растяжка с помощью клина показалась убедительной.

— Завтра будет готово, — пообещал «инженер». Он спрятал сапог в сумку, положил туда и пустую банку из-под клубники. — Ещё редиски принесу. Такой ты не видела. Американская. Белая и длинная, как морковь.

Я покраснела и сказала сердито:

— Давай уж тогда протяни между балконами питательную трубку. Будешь суп мне лить, компот, яблочный сок. Молоко. Бурёнушки у вас нет?

— Корову купить бы здорово, — улыбнулся Митя и сказал: — Ну, чего ты обиделась? Мы этой американкой большущую грядку засадили. Носить не переносить. Это же не с базара. Как вот сейчас не догадался? И правда, была бы жилка — в одну минуту приехала бы по почте... А ну, покажи на балконе перила. Может, острое железо перетёрло леску? Отчего-

то ведь лопнула. Просто так ничего не бывает.

Мы вышли на балкон. В том месте перил, где недавно была перехлёстнута капроновая леска, ничего особенного не обнаружилось — ни гвоздя, ни железа. Правда, сантиметрах в тридцати белела царапина. И похоже, недавняя, свежая. Но это в другом месте. А леска была вот здесь, даже след остался — тёрлась по коричневой краске.

— Кажется, всё-таки ворона оборвала, — сказал Митя.

Я была согласна, он же лучше понимает.

ЧЕТЫРЕ ЗВОНКА

Я сегодня вконец издёргала Звонарёва. Только до обеда несколько раз звонила ему. Первый раз поблагодарила за солнышко. Глаза открыла — зайчик на стене сияет, прозрачный кулёк с зелёными листочками сияет. Скорей и побежала звонить.

— Это не мне спасибо, — скромно ответил Митя. — Это сам Господь Бог распорядился. Зачем, думает, Центральная Россия под облаками страдает? Надо их солнышком порадовать. Подул посильней ветром и все облака разогнал.

— Значит, ты, Митенька, Божий помощник. Лимон вместе со мной говорит тебе спасибо.

— Не поглядела сейчас на росток? Должен увеличиться.

— Погляжу. А как мой сапожок себя чувствует?

— Да вот всё думает, как бы твоему бедному пальчику помочь.

— Тогда ещё раз спасибо.

Зелёную телефонную трубку я даже погладила. Сколько приятного мне рассказала!

Но через час, после того, как сходила в магазин, занесла продукты дедушке Леонтию и немножко посидела у него, я быстренько поднялась к себе и снова позвонила «инженеру»:

— Митя, скорей вынимай клин. И погляди, сапог не порвался?

— Да почему? — встревожился тот.

— Потому что нельзя. Надо по-другому растягивать. Мокрой бумагой набить. И ещё стеариновой свечой на то место накапать. А ты скорей — чурку, клин! Сапог не испортился?

— Ничего с ним не сделалось, — обиженно сказал Митя. — Это откуда такая информация?

— Дедушка Леонтий сказал. Он всё знает.

— Так что, вынуть клин?

— Конечно.

— А сапог принести? Будешь дома?

— Так я же дома. Принеси!

Плохо разговаривала. Грубо. Чего накинулась? Будто он виноват. Я же сама вчера похвалила, сказала, что он гений.

Разумеется, ему было обидно. Даже в комнату не захотел пройти, когда я открыла дверь. Достал из сумки сапог. А следом молча протянул кулёк с

белым редисом.

— Не сердись, — улыбнулась я виновато. А сапог и правда целый. Сейчас примерю. Я надела сапог и радостно сказала: — Ты волшебник! Пальцу такой кайф. Спасибо! А можно твою американскую редиску попробовать?

— Она мытая.

— Это верно, Анюта, пример, Баба Яга.

Я откусила хвостик и от удовольствия закатила глаза.

А он всё равно был грустный.

— Я пошёл. Отец просил заплатить за квартиру и телефон.

Когда за ним закрылась дверь, я вздохнула и для верности, по совету бабушки Леонтия, зажгла свечку. Кап, кап... Через минуту носок сапога покрылся белесой восковой корочкой. Вот и пион можно бы так. Хотя зачем? Правильно, что отстригла.

Намоченный ком газеты я затолкала в носок сапога.

Кажется, всё сделала. Теперь-то уж наверняка будет кайф. А на душе легче не стало. Это я, только я виновата. Когда же научусь перед тем, как что-то сделать, сначала хорошенько подумать? Уж сколько раз спотыкалась на этом.

Я посмотрела себе под ноги. И словно во искупление грехов, решила приняться за самую тяжёлую и нелюбимую работу — вымыть полы.

Долго возилась. Устала, вспотела. Потом с удовольствием стояла под тёплым, ласковым душем. И подобрела к себе. Босиком прошла по чистому полу. За квартиру и телефон Митя давно уже заплатил. Я снова расчесала гребнем волосы и позвонила в третий раз:

— Митя, умник, отругай меня, дурочку. Правда, отругай. Это все ужасный характер мой виноват. Невыдержанная, злючка.

— Мне стыдно, честное слово, очень стыдно.

Я не играла. В моём голосе нельзя было не слышать искренности. Митя почувствовал это, похоже, даже испугался и, словно заикаясь, сказал:

— Анют, да я... нисколько... Это ты меня не ругай. В самом деле, ведь мог и порвать. Лопнул бы шов или кожа...

— Митя, во мне всё-всё намешано — и плохое, и хорошее. Знаешь, после смерти бабушки Марьи мне очень захотелось делать что-нибудь хорошее. С того дня каждое утро захожу в сорок первую квартиру, где живёт дедушка Леонтий. Покупаю ему в магазине продукты. Он теперь так улыбается, угощает меня чаем. Сегодня сказал, как надо растягивать тесную обувь. Мить, может, я не совсем уж плохая? Как ты считаешь?

Он не сразу нашёлся, что ответить. Потом сообразил и ужасным,

скрипучим голосом прохрипел:

— Это верно, Анята, ты плохая. Но бывают и похуже. Например, Баба-Яга.

Какой же умник Митя! Нам осталось только рассмеяться. А вскоре я вновь позвонила. Сказала взволнованно:

— Теперь послушай, что я придумала. Оказывается, совсем и не обязательно растягивать сапог.

— Как это? — спросил он. — Ведь говорила же, что не можешь ходить. Палец собиралась отрезать.

— Всё верно: не могла. Я не могла. А кому-то другому было бы как раз впору. Нам надо просто обменяться. Ты вот нашёл ботинки. Они Юрке подошли. Носит их. А тебе тоже чьи-то будут по ноге. Сечёшь? Улавливаешь идею?

— Анят, у меня в табеле только по физкультуре и естествознанию были пятёрки.

— Да очень просто. Пришпиливаю на нашем клёне объявление: меняю сапоги тридцать пятого размера, коричневые, с молниями, на размер тридцать шестой. А кому требуется что другое, тоже пишут объявления. Клён у нас будет одновременно как бы справочным и рекламным щитом. Теперь понял?

Тут Митя Звонарёв, к большому моему удовольствию, уже и секунды не сомневался — сказал, что идея моя замечательная.

— И простая, как всё гениальное, — философски добавил он.

ПОДАРОК

Я вернулась с полпути. Тоже, как и Митя, отправилась платить по квитанциям. И вот что удивительно: лифт спустил меня на площадку первого этажа, откуда была прекрасно видна дверь сорок первой квартиры, потом я вышла из подъезда, миновала наш длинный дом, и лишь на углу вдруг подумала о бабушке Леонтии. Как же могла забыть? Вот тебе и чуткая, хорошая! Если уж взялась помогать, то помни. И не хвастайся. Я, конечно, тут же вернулась.

Бабушка Леонтий совсем растрогался. А когда я сняла показания электросчётчика и заполнила квитанцию, он положил передо мной старый альбом в матерчатом переплёте. Раскрыл его и стал показывать карточки. Некоторые из них уже были совсем жёлтого цвета.

— Это отец после гражданской войны. Матушка на тридцать лет пережила его. А вот — брат Яков. В сорок первом погиб. Старший брат Сергей в танке сгорел под Курском. Это — жена Мария. Хорошая была женщина, шесть лет назад похоронил... На этой карточке — сын Алёша. Водка проклятая сгубила. А это — дочь Лариса. Видишь: с сыном и дочкой своей. В Николаеве живут. Украина. А сейчас и двое внуков народилось. Правнуками, значит, мне приходится. Родня вроде имеется, а вот четыре года никого уже не видел. Последнее письмо перед Рождеством прислали. Вот как! Были вместе, в одной стране, а теперь словно чужие.

Слушать бабушку было горько. Я и о своём отце могла бы сказать: тоже очень давно не видела его.

— Ладно, хватит об этом. — Хозяин закрыл альбом и спрятал в ящик буфета. — А вот на тебя, рыбка золотая, — проговорил он ласково, — ну никак не налюбуюсь. Откуда только взялась, светлячок хороший? Поверишь... это по секрету тебе: через день бриться начал.

— Ой, бабушка, — засмеялась я, — то-то смотрю на вас — будто моложе стали.

— Не говори, прямо жених!.. Ты в кассе там заплатишь, что положено, а после купи себе в ларьке жвачки. Я знаю: жвачка для вас — первое угощение.

Первое не первое, а жвачка — вещь отличная. Всю обратную дорогу я усердно трудилась языком и зубами, не раз выдувала пузырьки, которые тут же лопались, и снова работала челюстями. Может быть, занятая

ароматной жвачкой, я и не заметила странного предмета, повисшего над моим балконом.

Лишь дома обнаружила. И то не увидела, а услышала. Едва успела открыть шкатулку, где у нас хранятся квитанции и счета, как тут же и донёсся какой-то писк. Нет, не какой-то, я сразу подумала: кошка. Только откуда она? Однако ведь пропищала. И где-то рядом. У соседки тёти Нины на балконе? Но она кошку не держит. И тут снова — писк, да такой жалобный. Я вышла на балкон. Тогда и увидела «странный» предмет. Он оказался обыкновенной корзинкой, с какой ходят по грибы. Закрыта марлей. И вдруг прямо на моих глазах марля в одном месте приподнимается, и сквозь неё тонкий ус вылез. Кошка. На нашем балконе. Я осторожно потянула за верёвку; Не поддаётся, видно, где-то привязана. Определить точку, откуда спускалась верёвка, труда не составило. Выгнула шею, подняла голову. К верхнему балкону тянется. На девятый этаж.

Это как же понять?.. Вероятно, и сама усатая пленница в корзине мало что понимала — в третий раз жалобно и длинно мяукнула, словно что-то спрашивая у меня. Может быть, посмотреть? Я сняла корзину с проволочного крюка. Потом развязала толстую нитку, отвернула край марли. На меня глядели два круглых, блестящих глаза. Глядели, казалось, с интересом. И доверием. Мордочка рыжая, симпатичная, носик розовый. Котёнок. Чуть побольше моей ладони. Видно, я понравилась ему: поднялся на задние лапки, точно потянулся ко мне.

Я взяла котёнка на руки, а на дне корзины увидела листок бумаги. На нём было написано: «Анюта, салют! Меня зовут Рубик. Я хочу жить у тебя».

На балконе у нас стоит скамеечка. Отец когда-то сделал. Я на неё становлюсь, когда развешиваю бельё. Сейчас, с котёнком в руках, я опустилась на скамейку и задумалась. Не случайно Гриш-ка тогда сказал, чтобы завела кошку или собаку. Мой характер ему не нравится! Потому что не дрожу перед ним, как остальные. Привык командовать. Повелитель!

— Ничего у вас, Рубик, не выйдет! — Я погрозила котёнку пальцем. А он, глупый, замахал хвостом и коготки острые выпустил. — Всё равно не боюсь вас. И хозяину вашему вредить не позволю. Это ведь он, конечно, стрелял спичками? Ну, Рубик, признайся, — сказала я. — Ты-то должен знать.

Рубик промолчал, но понял, что шутить я не собираюсь, коготки спрятал и опустил голову мне на ладонь. Ишь, подлизал. Хочет жить у меня!.. Вообще-то я бы не против: забавный. Я почесала его возле ушка. Рубик мурлыкнул и сладко зевнул, показав розовый язычок и острые зубки.

Блаженно вытянулся. Будто и впрямь уже чувствовал себя законным жильцом. А мама? Позволит ли? Обрадуется ли такому подарку? В самом деле, свалился, как снег на голову. Я посмотрела на железный крюк с заострённым концом, затем перевела взгляд на видневшуюся на перилах царапину. Может, и здесь Грила постарался?..

— Эй, Рубик! — Я шевельнула коленями. — Удобно устроился! Давай, дружок, лезь в свою комнату.

Мне было жалко засовывать его в корзинку, тем более, он не хотел залезать обратно, упирался всеми лапками, но что я могла поделать? Ещё и крюк этот противный висит, глаза мозолит! Пусть скорей поднимает. Я крепче завязала марлю, чтобы котёнок не вылез, и пошла к двери.

Так высоко, на девятый этаж, в лифте я не поднималась. И снова перед лицом — уродливые, вспоровшие гладкий пластик, буквы: «Грила». А надо ли заходить к нему? Не лучше ли просто поставить корзину у двери? Сам догадается. Да, так проще. И чего там увижу? Квартира, должно быть, как у нас—две комнаты, балкон, окна во двор выходят. Только вот видно дальше. Живут тоже с матерью вдвоём. Мать у него какая-то перепуганная, не здороваётся. Лицо всегда нахмурено. Отец у них куда-то подевался. То ли за что посадили, то ли по какой-то причине сбежал. От такого сыночка сбежишь! Я вспомнила о своём отце и горько подумала: как всё, однако, похоже. Хотя... Нет, мой отец совсем не такой и ни от кого не бегал. Просто они с мамой оказались совсем рядом.

Я вышла из лифта. Вот и дверь его. Белая кнопка звонка. Невольно прислушалась. Тишина. Словно за всеми коричневыми дверями лестничной площадки — ни единого человека. Я поставила корзину у порога. «До свидания, Рубик»... А правда, дома ли Гришка? Если где-то бродит, вредительскими делами занимается, тогда сидеть рыжику до вечера. И тот железный крюк на балконе. Так и будет висеть?.. Я сделала строгое лицо и решительно нажала белую кнопку.

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Если честно — услышать шаги я не хотела. И боялась. А когда за дверью шаги всё же раздались, возникло желание кинуться прочь. Скорее, на лестницу... Но лишь твёрже сжала губы.

Прошкин, как и тётки Клавин Юрка, широко распахнул дверь. И так же широко улыбнулся, обнажив два ряда крепких зубов:

— Кто пришёл! Анютины глазки!

Увидев у порога завязанную марлей корзинку, он поднял её и по весу определил — не пустая. Спросил, заметно нахмурив прямые, тёмные брови:

— Что, подарок не понравился?

— Ты, Прошкин, не понравился.

— Это почему же?

— Много всего.

— Много?.. А ну, заходи! — Он схватил меня за руку, втащил в переднюю и захлопнул дверь.

— Отпусти! Я вырвала руку и уставилась в его колючие, округлившиеся глаза. — Спрашиваешь, почему? Хочешь знать?.. Ну, ладно, скажу. Пожалуйста! Ты очень, ну очень вредный человек, Прошкин. Ты ужасный. Ты ненавидишь людей. Тебя все боятся.

— А ты? — к моему удивлению, ничуть не осердившись, спросил Гришка. — Ты же не боишься.

— Я?.. Да, не боюсь! — И, желая показать, что мне действительно не страшно, из полутёмной передней я прошла в комнату. Даже не спросила, можно ли войти. Взяла и толкнула дверь. Первое, что бросилось в глаза, — аквариум. Огромный, зелёный, освещённый солнцем, он стоял немного в удалении от окна. Может быть, оттого, что рыбки никогда не видели меня, они пёстрым, живым веером метнулись по сторонам, будто спасаясь в зелёных водорослях. Это было интересно и неожиданно. Я замерла посреди комнаты... Но тотчас вспомнила, почему я здесь и что собиралась сказать. — Рыбок ты держишь. Ухаживаешь и, может, даже любишь. Отчего же так ненавидишь людей? Ты всем враг. И просто ужасный вредитель!

— Вот это да! — усмехнулся Прошкин. — Таких стрелять надо. — Он сел к столу, закинул ногу на ногу. — Даже вредитель? Ещё и ужасный!

— Именно! — Я тоже села на стул, но так же закинуть ногу всё-таки постеснялась, платье было короткое. — Хочешь откровенно? Всё как есть?

— Давай, выкладывай, — кивнул он.

— Мне, например, известно, кто безобразничает в подъездах, коптит спичками потолки.

— И кто же это? — Глаза у Прошкина снова округлились. Ишь, удивился, словно ничего и не знает!

— Юрка из соседнего подъезда. Да, Юрка, твой новый дружок. Но придумал не он. Ты его заставляешь!

Перед этим нога у Гришки покачивалась. А тут застыла.

— Он сам тебе рассказал?

— Как же, от него добьёшься! Он кто у тебя? Шестёрка. Калёным железом пытай — не признается. Опять же от страха. Но зачем пытаться, мне и так известно: это дело ваших рук.

— И всё? — Прошкин снова качнул ногой.

— Разве мало? Ты только представь: маляры потолок чисто побелили, старались сделать как лучше, а вам на это наплевать. Безобразные пятна наставили. Как варвары! Да ещё на свастику похожие. Это зачем? Все жильцы возмущаются, ломают головы, пакостников вычисляют, а вы тоже вроде удивляетесь. И посмеиваетесь ехидно. Герои! Партизаны! Потом кто-то забелил потолки, спасибо ему, а вы — опять. Всем назло. Да потихоньку, ночами, тайно, чтобы никто не увидел. Ну, ответь, как это называется? И к чему здесь свастика? Вы что — фашисты?

Моя обличительная речь особого впечатления на Прошкина не произвела. Более того, он чуть улыбнулся:

— Фашистами не называй. Нет тут у нас никаких фашистов. Придумала ужасики! А вот тот, кто забеливал, он тоже пробирался по ночам, тайно. Так ведь?

— Ну... — Я пожала плечами. — Это значения не имеет. И вообще, как можно сравнивать?

— А ведь, поди, страшно было — в такую рань выходить на лестницу...

По его хитровой улыбке и голосу я угадала вопрос. Ко мне вопрос? Но почему?..

— Неужели не страшно было? — уже совсем определённо спросил хозяин квартиры.

Я растерялась:

— Не понимаю...

— Все ты понимаешь. — Из ящика стола Гришка достал оборванный клочок газеты. — Тут цифры написаны. Шариковой ручкой. «5» и «1». Не

знаешь, что за цифры?

Не догадаться было невозможно. Я невольно покраснела, словно уличённая в чём-то постыдном. Ах, как всё, однако, перевернул! Я прихлопнула ладонью по столу:

— Не отказываюсь: газета моя. А что из этого выходит? Только одно: Юрка — твой сообщник! Потому и газету поскорей тебе доставил, которую нашёл за батареей. Да разве одни потолки! Стенку в лифте исцарапал? Исцарапал! Её не забелишь. Сто лет будет прославлять твоё знаменитое имя.

Такая сомнительная «слава» Гришку вполне устраивала.

— Класс! — сказал он. — Никого из жильцов уже не останется, все поумирают, а надпись — вот она: читайте, помните Прошкина! Молодец, кто догадался нацарапать!

— Опять, выходит, не ты? Рассказывай сказочки. Может, станешь отнекиваться, что и перила на моём балконе поцарапал не ты, а Папа Римский?

— Как же это я мог?

— А достань с балкона свою верёвку с крюком. Остриющий. Таким акулу только ловить. Ты и жилку тогда оборвал. Будто мешала тебе. Чем она мешала?

— Нечего было к Митьке тянуть её, — хмуро произнёс Прошкин.

— Твоё какое дело? Захотели, и протянули. Можем снова...

— Снова оборву.

— Видишь, какой ты! Вредитель и есть. Да что там вредитель, ещё хуже...

Гришка неожиданно взорвался. Сжал кулаки:

— Давай уж, говори: подонок, негодяй, чмырь болотный, козёл!

С каждым этим словом я могла бы согласиться. Но не я же сказала. Чего взбеленился? И нечего мне приписывать. Я взглянула на корзину:

— Котёнка вот на верёвке спустил. Распорядился! А меня ты спросил, узнал, согласна ли?

— Обожди про котёнка. — Прошкин поднялся со стула и скрылся на балконе.

Ждать чего-то ещё! Бедняга, сидит, как в тюрьме. Я развязала марлю, вытащила Рубика из корзины. Сказала ему:

— Ну и хозяин тебе достался! Может, и правда, будешь жить у меня. Мама поворчит, а потом согласится. Ты ей, рыженький, тоже понравись. — Я погладила котёнка по гладкой спинке. — Ящик с песком принесу. Молочком стану кормить. Много ведь не выпьешь...

Пока я разговаривала с Рубиком, хозяин его вернулся с балкона, положил на стол две деревянные чурки, а между ними— знакомый мне крюк, только что висевший внизу на верёвке.

— Смотри! — зловеще сказал Гришка.

Я не успела ужаснуться, поднятая рука Прошкина с силой обрушилась на крюк. От удара ребром ладони железная проволока согнулась.

Несколько секунд я молчала. Потом без жалости, без насмешки спросила:

— И что хочешь доказать?

— Что?.. Я думал, поняла. А то: в этой жизни без таких кулаков делать нечего.

— Станешь убивать?

— Ну вот, поняла, называется! Защищаться буду. А кого нужно, и защитить могу...

— Смотрите — спаситель-защитник!

— Эх, Анютка, то ли умная ты, то ли тупая. Ничего, ничего не знаешь... — Гришка убрал со стола чурки, странно выгнутый крюк и положил на подоконник. — Были бы у меня семь лет назад такие кулаки, он бы живым не ушёл, достал бы его... Не видела, как ногой по животу бьют? Он (я — об отце), как свинья, напивался. Выгонит мать ночью, не смотрел — дождь там или мороз. И меня с ней. Бывало, приезжала милиция. Да толку-то! Никакого. Один раз на пятнадцать суток забрали. Так он потом ещё больше озверел. А ведь соседи на площадке знали. Знали, да молчали. Как рыбы. Всего и храбрости — сообщить по телефону в милицию... Соседи. Жильцы. Ненавижу! Трусы, тараканы!

— Но они хоть не вредят, потолки не пачкают, — мрачно напомнила я.

— Я, что ли, вредил? — Гришка резанул меня взглядом. — Просто злился. Чтобы от ящиков своих отлипли. А-а, без пользы. Чихали на пятна, на потолки. Если бы телеки у них разбить или под дверь — тротилую шашку, вот тогда бы...

— Ну, ты уж придумал — шашку! Террорист.

— А им всё другое до лампочки. Одно на уме: колбаса, шмотки, цены. Бабка Марья померла. Никто будто не знал, что голодала, есть было нечего. Померла, и ладно. Поохали, разошлись. Кто там следующий помирать собрался?

Как ни странно, мысленно я соглашалась с ним. А Прошкин продолжал:

— Всего один человек в подъезде нашёлся...

— Какой человек? — спросила я.

— Который разозлился. Не понимаешь, что ли? Про тебя говорю. За это и уважаю.

Чудеса! Шла к Прошкину ругаться, стыдить, доказывать, а получается — почти одинаково думаем. Конечно, приукрашивает, чтобы героем показаться, защитником. Но всё же... И сказал, что уважает меня. А я?.. Вообще-то, невероятно, что такое говорит. Как поверить?

— Цены, шмотки ругаешь... — Я посмотрела на его голубые, с кармашками и молниями джинсы. — А у самого прикидик... всё фирмное.

— На свои покупаю, — заметил Гришка.

— Вместе с Юркой моешь машины?

— Что ж отказываться от такой работы — бабки платят клёвые. Бывает, и доллары.

— Да работа ведь грязная, — вспомнились Юркины слова.

— Зато бабки чистые. Недавно Юрку пристроил. Доволен. Теперь он и матери помогает.

— А что это значит: пристроил? — тотчас спросила я с любопытством.

— Не мечтай, — усмехнулся Гришка. — Это не для тебя. И мальчишка не любой сможет. Думаешь, как — взял ведро, тряпку и пошёл мыть? Не получится, быстро отошьют. Ещё и морду начистят.

— Нас тобой не начистят, — сказала я. — Правильно?

Прошкин ощупал твердый край ладони.

— Пока никто не возражал... Ещё и с них вот кое-какие бабки имею. — Он подошел к аквариуму, достал из баночки сухого корма и, сдвинув наверху стекло, насыпал его в плавучий квадрат. Красные, чёрные, полосатые рыбки тотчас устремились туда и, отталкивая друг друга, стали жадно хватать корм. — Проголодались, — сказал рыбий хозяин. — Надо будет за трубочником сходить. Без живого корма мальков не жди.

— А этот малёк у тебя тоже голодный. — Я показала на Рубика, который сидел на полу и не спускал круглых, любопытных глаз с аквариума.

— Утром молока давал... А от меченосцев и петушков он бы не отказался.

— Гриша, — сказала я, — за Рубика, конечно, спасибо. Он мне нравится. Только сначала всё же маму спрошу. Попробую как-нибудь уговорить.

ДЕЛА ИДУТ ПРАВИЛЬНО

Маму я уговорила. Удалось. А начала издалека.

— Мамочка, — сказала я виновато, — ты меня прости, что вчера нагрубила тебе. Это всё характер мой виноват. Ужасный. Надо как-то бороться с собой.

— Ужасный — это, пожалуй, чересчур. — Мама ласково посмотрела на меня и опустила на стул. — Покормишь? Что-то устала сегодня. Швейная машина задурила. Два раза механика вызывала. Иголка сломалась. Вот и палец немножко задело.

— Ой, правда, перевязан. — Я с тревогой тихонько взяла мамину руку. — Бедный пальчик. Больно было?

— Ничего страшного. Ноготь цел. Заживёт.

— Ты, мамочка, сиди. Я — живо.

Пока на плите грелся борщ, я поставила тарелки, нарезала еб. И вспомнила о Рубике.

— Ты в детстве тоже боролась с недостатками?

— А как же, и в моей биографии были такие эпизоды. Особенно перед очередным Новым годом. Подведу итоги, повздыхаю и даю себе торжественное обещание начать новую жизнь

— И получалось?

— Поначалу записи подробные вела — что и как сделать, в сроки... Но тут воля нужна. А её-то... — Мама развела - С волей было слабовато.

— Вот и у меня так, — огорчённо кивнула я. — Не хватает воли. Злюсь, срываюсь. Самой стыдно. Может, нам котёнка завести? Оказывается, домашние животные очень помогают. Снимают стрессы. Характер у человека лучше становится. Прямо сам себя не узнаёт. Особенно кошки полезные. Они такие удивительные, загадочные...

— Ох, вижу, вижу, Анюта, — вздохнула мама. — Известная песня. Какого хоть цвета он? Беленький, рыжий?

— Правильно, головка у него рыжая. И спинка, и хвостик рыжие. А лапки белые-белые. Он ещё маленький. И до того хороший! Игрун, усатик, песни поёт. Глаза... Ты в глаза его посмотришь, и сразу полюбишь.

— Сейчас вернусь.

— Вот чего и боюсь. — Мама поглядела на забинтованный палец, опять вздохнула. Я понимала её сомнения. Хорошо понимала. Но она же не видела круглых, зеленоватых, доверчивых глаз Рубика. Интересно, а что

она скажет на это?..

— Обожди минутку. — Я вышла из кухни.

На чистом тетрадном листе я старательно крупными буквами написала:

«Очень торжественное обещание!

Ваше Величество! Как самая законопослушная Ваша подданная, я торжественно обещаю все хлопоты и расходы на содержание котёнка по имени Рубик взять на себя».

И вывела своё высокое звание и подпись:

«Министр экономики Л. П. Rogozina».

Прежде, чем познакомить маму со своим произведением, я закрутила газ и налила в тарелки борщ. А потом положила перед ней листок. Как бы между прочим положила: справа от тарелки, рядом с ложкой.

Читала мама внимательно. Мне было трудно сдержать улыбку, а ей так и не удалось сохранить серьёзное лицо:

— А почему — министр экономики?

— Мне это как-то больше нравится, — сказала я. — Но воля Вашего Величества — закон. Не смею возражать. Издайте Указ.

— Издам. — Мама утвердительно наклонила голову. — Прежде всего каждый день должен быть свежий песок для туалета... Расходы? Гм.

— Но если я останусь в ранге министра экономики, то содержать котёнка, мне кажется, не проблема. Да послушай, мама, — перешла я на обычный тон, — ты не сомневайся: я заработаю. Сколько молока ему надо? Половины стакана не выпьет. Сдам пустые бутылки дедушки Леонтия. У него много их в кухне скопилось. Могу домашние тапочки сшить. Из старого зелёного пальто. Всё равно же собирались выкидывать. Ну, и что-нибудь красивое из бисера. Кокошник. Картину. Чтобы на стену хотелось её повесить.

— Сшить-то сошьешь. Свяжешь. А продать?

— Везде продают. У «Детского мира» — целый базар. И возле универмага торгуют. К тапочкам цветные шарики пришью. Или две пуговицы, как глаза будут. Купят. И вообще, не сомневайся: у меня кое-какие идеи имеются... Все же — министр экономики.

— Бог мой! — сказала мама. — Какие идеи? Какая торговля? Тебе учиться надо. Читать. Ведь по обязательной программе задали на лето

читать?

— Задали, — подтвердила я. — И читаю. Но, мамусь, одно другому не мешает. Ты как-то по-старинному рассуждаешь. А мы когда живем: Сейчас. Уже в двадцать первом веке. Новое тысячелетие. И отношения — рыночные. Когда же ты привыкнешь к этому? Ведь видишь, что кругом происходит.

— Только слепой не видит. Хотя прекрасно чувствует. Да какая радость от этого...

— Опять вздыхаешь. А это абсолютно, ну совершенно ни к чему, — наставительно добавила я. — Как министр экономики считаю: дела, в общем, хоть и трудно, но идут правильно. Нормально. И не спорь. Потрудился человек хорошо, мозгами пошевелил, придумал, подсчитал — получай, что положено. Главное — что? Инициатива. И образование. Юрка вон и то деньги зарабатывает. Не ворует, не попрошайничает. А знаешь, сколько маленьких попрошаек по стране?.. Молодец, Юрка! Так что Рубика, котёночка, уж как-нибудь накормить сумею.

— Видно, и правда отстала я, — с грустью сказала мама. — Кругом твердят: рынок, рынок, а жить-то не легче... Ах, да что об этом, петоперепето. Конечно, надо как-то приспособливаться.

— Вот это правильно! — обрадовалась я. — Слышу слова сильного человека. Значит, Рубика забираем?

— Да где он? Хоть покажи.

— Завтра, мамочка, познакомишься.

— Небось, опять Митя удружил?

— Бери выше.

— Не пойму, как это выше?

— Митя — на четвёртом этаже, а Рубик — с девятого. У Гриши Прошкина.

— Ох, дочка, — мама даже ложку не донесла до рта, — Митя, Серёжа. Ещё и Прошкин... Нет, сама разбирайся. А не боишься? Худая слава об этом Прошкине.

— Мало ли что говорят. Просто не знают его.

— Ну, смотри. Тебе видней. Покорительница. — И улыбнулась. — Правда, откуда это в тебе? Недаром пословица пошла: не родись красивой...

— Мам! — поразилась я. — Считаешь, что я совсем-совсем... уродка?

— Анюта, не говори глупостей. Пословицу-то целиком помнишь: не родись красивой, а родись счастливой.

— Значит, всё-таки я...

— Да красивая, красивая. Не Мадонна, конечно, не Мисс Европа, но вполне...

— Привлекательная и обаятельная, хотела сказать?

— Как раз это и хотела, — кивнула мама. — Не зря замахнулась на такой пост — министр!

— Значит, утверждаешь? Спасибо, Ваше Величество! — Я обняла и поцеловала маму.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Будильник с вечера я не заводила и, тем не менее, проснулась рано. Конечно, первое, что увидела, — солнечное пятно на стене. До него можно было дотянуться, погладить рукой, даже почувствовать тепло. Митя, верный друг, спасибо! И, пожалуйста, не переживай — я не забыла о тебе. А сейчас, прости, надо позаботиться о Рубике...

Позади пёстро́го киоска, того самого, где с веткой пиона ещё недавно поджидал меня щедрый Серёжа, я разыскала картонную коробку из-под каких-то ароматных сладостей. Возвращаясь домой, раздумывала — что лучше: обрезать высокую коробку или оставить как есть? Но сумеет ли Рубик запрыгивать в неё? И лишь когда зашла в кабину лифта, вдруг сообразила: зачем же обрезать, надо просто сделать для него дверь.

Мама была ещё дома. Она удивилась и красивой коробке, и моему энтузиазму:

— Теперь я спокойна — у Рубика будет заботливая хозяйка.

— А ты всё-таки сомневалась?

— Не так, чтобы очень, но ведь иногда ты давала повод для сомнений.

— Ах, мамочка... Ну, так не хотела об этом говорить, но... Ладно, признаюсь. Помнишь, под моей кроватью недавно нашла банку с мелом?

— Ты сказала, что босоножки подмазывала.

Я поскребла под распущенными волосами затылок и огорчённо сказала:

— Никакие, мамуля, не босоножки. Если хочешь знать правду, то я забеливала в подъезде пятна. Да, не удивляйся. Вставала по будильнику в четыре утра и шла белить.

— Неужели — ты? Одна, ночью?! — совершенно поражённая, спросила мама.

— Как видишь. Выходит, не так уж хорошо и знаешь меня. Чего ж тогда говорить о Прошкине! Гришу, может быть, вообще никто не понимает.

— Ладно, беру слова обратно. Не будем о Прошкине. Но ты-то как решилась?

— Да просто. Элементарно. И чего такого особенного? Взяла банку с мелом, кисточку ватную на палке — одна минута, и нет пятен. Больше разговоров. Любой бы мог. Только странно: никого почему-то не нашлось.

Гриша правильно говорит: равнодушные все и ленивые. Лишь бы у телека сидеть. Да чтобы коврик у своих дверей был чистый.

— Дочка, всё справедливо говоришь, но до сих пор не верится: одна, ночью! И хоть бы намёк дала.

— В том-то и дело, интересно же, когда тайна. Никто-никто не догадывается... И разве ты пустила бы меня?

— Ни за что!

— Вот видишь! Я так и думала... Мам, а на работу ты не опаздываешь?

— Ох, работа, работа. Нет времени оглянуться, собственную дочку понять. Кажется, и не заметила, когда ты выросла? И почему такая вот стала?

— Не нравлюсь?

— Не говори глупости. Вся жизнь моя в тебе. А видишь, что получается — не знаю по-настоящему, какая ты. Как и Павла... не знала.

Я не дала ей расстроиться.

— Так, может, и министром меня не назначишь? Ведь свои кадры надо знать хорошо. Мамусь! — Я поцеловала её в одну щеку, в другую.

— А какая на самом деле я? Мне и самой интересно. Может быть, в прапрабабушку. Далёкую-далёкую. При Иване Грозном жила. Или даже при князе Владимире. Ты ничего о ней не слышала?

— Господи! — засмеялась мама. — Да отпусти же меня! И правда, с тобой на работу опоздаешь!..

А мне тоже предстояла работа. Большими портновскими ножницами я кое-как прорезала в твёрдом картонном ящике дверь, отогнула её и красным карандашом нарисовала два нуля. Настоящий вход в туалет. Отлично! Всем буду говорить, что Рубик у меня грамотный, умеет читать и... писать. Я радостно засмеялась: да, писать. А ударение в этом слове изменять не обязательно. Кто догадливый, тот поймёт.

Спуститься вниз и набрать песку было делом пяти минут. Вот и готово всё: дверь с нулями открыта, на дне маленькой железной сковородки — жёлтый песочек. И в холодильнике молоко поджидает. Вечером я могла бы всё выпить, но помнила о Рубике и немножко оставила в кружке...

На последнем этаже я вышла из кабины лифта, и тотчас где-то по радио пропикали сигналы времени — 8 часов. Не спит ли?.. Ничего, усмехнулась я, может и открыть министру экономики.

Точно: засоня. Дверь открыл лишь после третьего звонка. Однако я ошиблась. На самом деле «засоня» отмывал в ванне руки. И было, от чего отмывать. Такой сочной, жирной грязи я никогда не видела. Чёрная, даже с

каким-то фиолетовым оттенком, грязь широким блином лежала на сетке неглубокого деревянного ящика, который стоял на краях таза с водой.

Я-то думала: Прошкин спит, а он ещё два часа назад поехал на окраину города, где какой-то ручей протекает, в котором и водится лакомый для рыбок червячок под названием «трубочник», длинный и тонкий, как ниточка. Эту информацию мне Гриша выдал. Он как раз и занимался тем, что в холодную, чистую воду выманивал червячков из грязи.

— Давайте, шустрики, вылезайте. Рыбки давно ждут вас.

И котёнок Рубик тут же сидел, наблюдал. Но запах грязи ему не очень нравился, брезгливо подёргивал иголочками усов.

Червяков, сбившихся в живой розовый комочек, Гриша подцепил ложкой и бросил в аквариум. Какой там начался праздник, какой пир! Я вспомнила о молоке в холодильнике и взяла котёнка на руки.

— Ну, Рубик, прощайся с хозяином. Пора и нам завтракать. Свой новый дом осмотришь.

— Уже уходишь? — с сожалением спросил Прошкин. — Может, ещё побудешь?

— Хотела молока ему дать, — уклончиво сказала я. — Он ведь любит молоко?

— И я могу налить. Просто не успел из-за этих червяков. Да вот сейчас налью в блюдечко.

— Если молоко в холодильнике, то надо согреть.

— Рубик у меня закалённый.

— Нет, Гриша, он теперь мой. Не хочу, чтобы простудился.

— Чего же проще, можно и согреть.

— Тогда помогу тебе, — решительно сказала я.

Он только сидел на табурете и смотрел на меня. Молоко в чашке я поставила в кастрюлю с водой и зажгла горелку. Отрегулировала огонь с синими язычками пламени. Осталось обождать, когда нагреется вода.

— Вот мне бы такую сестру, — мечтательно сказал Гриша. — А то мать всё время ворчит: это не так, это плохо, не засти свет. Я и в кухню не захожу, когда она здесь.

— А сейчас сидишь.

— Ты же не гонишь.

Я потрогала пальцем молоко и налила в блюдце. Через минуту, глядя, с какой быстротой Рубик работает длинным язычком, Гриша улыбнулся:

— А правда, тёплое ему больше нравится.

— Гриша, — затаённо спросила я, — ты почему вчера сказал, что снова оборвёшь жилку к балкону Звонарёва?

— Почему?.. — Он пошевелил губами, поднял плечо. — Почему? Наверно, со зла.

— С какого зла?

— Обыкновенного. Разве не ясно? Натянули леску, вам интересно, радуетесь, что-то пересылаете друг другу. Обидно всё-таки.

— Но мы дружим с Митей.

— Знаю.

— Тогда и обижаться нечего.

— Ага, нечего! А мне как на это смотреть? Не хочу, чтобы ты с ним дружила.

— Гриша, но так ведь нельзя.

— Может, и нельзя. А что могу поделать? Я сам хочу дружить. Да, с тобой дружить. Понимаешь?

Я длинно вздохнула, даже волосики на спине Рубика шевельнулись. Просто не знала, что и сказать.

— Расстроилась? — спросил Гриша.

— А ты как думал! Митя очень хороший парнишка. Добрый. Отросток лимона в горшке подарил. Спектакль для всего двора с ним готовили. Мастерили канатоходца.

— Я могу рыбок тебе подарить. Меченосцев, данио. У меня в другой комнате ещё два аквариума стоят. Отдам маленький, на четырнадцать литров. С растениями. И сачок есть.

— Гриша, спасибо. Мне Рубика достаточно.

— Понятно: дружить не хочешь, — мрачно произнёс Прошкин. — Эх, а я думал, будешь моей гирлой.

— Какой такой гирлой?

— Ну, по-нашему, девчонкой. Девочкой.

— Девочка по-английски: гёрл.

— Да это я знаю. Просто ребята так говорят.

— Значит, стать твоей девчонкой, гирлой?.. — протянула я. — Любопытно. Очень.

— Чего любопытного? У каждого парня есть своя девчонка.

— Своя девчонка. Это как? Собственность, рабыня?

— Рабыня какая-то. Во, придумала! Говорю же: моя девчонка. Разве не понятно?

— Твоя?! — Кажется, я не на шутку рассердилась.

— Ладно, отъехали! Остынь. — Лицо у Прошкина затвердело, брови сошлись в прямую линию. — Если не нравлюсь, если считаешь за придурка, урода, чокнутого...

Именно таким его и считала. Но это было вчера...

— Предлагаешь дружить? — подумав, спросила я.

Он не ответил. Однако голову чуть повернул в мою сторону.

— Надо подумать, — добавила я. — Только как-то... рабыня, вещь, собственность...

— Ну сказал, — потупился Гриша. — Можно и забыть.

— Что ж, поглядим... Рубик, — я погладила котёнка, — ты тоже так считаешь?.. Посмотрим, как он будет себя вести. Учти, Прошкин, я, между прочим, весьма важная государственная персона — министр экономики.

— Ух, ты! — словно бы поверив и сразу повеселев, восхитился Прошкин. — Вот это да! Министр. Тогда личная охрана тебе требуется.

— Я думаю обойтись без охраны.

— Как же так, обязательно нужна. Вдруг какой-то злоумышленник что-то нехорошее задумает. Смотришь же телек: там взрыв, там кого-то в подъезде грохнули, да еще с контрольным выстрелом в голову. Если желаешь, могу стать твоим телохранителем. Ни один волос с головы не упадёт.

— Нет, благодарю. За охрану надо платить. А денег в государственной казне мало. Ведь не станешь охранять за красивые глаза.

— Я?.. — переспросил Гриша. — А почему? За Анютины глазки я соглашусь без всяких денег.

В этом нелёгком разговоре я чувствовала себя, в общем, довольно свободно, а тут смутилась, подняла пустое блюдечко, обмыла его под краном и села на свободный табурет.

— Гриша, — переменяла я разговор, недавно мне пришла хорошая идея. Интересно, как ты оценишь? Что, если во дворе нам открыть ярмарку? Всякие вещи продавать. Ну, и покупать, кому нужно. К примеру, я могу пошить тапочки. Комнатные. Или ожерелье на шею изготовить. Из бисера. Я в тетрадке у себя рисовала. Всякие... А вот эта браслетка нравится?

Хозяин квартиры с большим интересом осмотрел на моей, уже загоревшей от солнца руке разноцветное украшение из блестящих бусинок и поцокал языком:

— Клёвая... Позавчера один пацан — Сенятка, шустрый парнишка, весёлый, помыл джип у одного американца. Капот, стекла. А потом положил букет васильков. Так американец десять долларов отвалил ему... А за такую штуkenцию... — Гришка прищурился, — может, и полета не пожалел бы.

— Долларов? За браслетку?

— Натурально. Американцы же. Есть, конечно, и жадные.

— Ничего себе, — сказала я. — А могу и медвежонка сшить. Или зайца с ушами. Могу продать свои сапоги. Они ещё очень даже хорошие, только тесны стали. А на эти деньги купила бы себе чьи-нибудь другие, размером побольше. А вот ты можешь продать своих лишних рыбок, не нужно и на птичий рынок отвозить. У каждого найдётся, что продать и купить. Ну, как моя идея? Специальный стол поставим. Повесим плакат. Я смешной придумала: «У НАС ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ У ЛЕ МОНТИ!» Что скажешь?

Я ожидала, что Гриша сразу ответит. Нет, задумался. Погладил своё твёрдое, как железо, ребро ладони. Наконец вымолвил:

— Тут охрана нужна. Обязательно.

— Опять ты с охраной!

— Не понимаешь. Ребята с других дворов узнают и придут. Да этот стол твой кверху ногами перевернут. Или налогом обложат. Знаю: есть такие крутые, стороной не обойдут.

— Рекетиры? — нахмурилась я.

— Как везде, — кивнул Прошкин.

— И ты что же, станешь спокойно на это смотреть?.. А-а, — протянула я, — дошло: тебе надо будет за это платить. За охрану. И сколько же процентов? Пять, десять, пятнадцать? Сколько отстёгивают рекетирам?

— Чтобы полный порядок был?

— Конечно! Кому нужны перевернутые столы. Ну, ты-то должен знать. Давно имеешь дело с бизнесом.

— А вот за него, — Гришка показал на Рубика, прикорнувшего у меня на коленях, — я деньги просил, требовал?

— Ха! Ещё и за котёнка! Ну, даешь!

— А ты, Анюта, клуб весёлых и находчивых не устраивай. Я что, хоть слово сказал, чтобы платили? Не слышала. И не услышишь. Это говорю твёрдо. Как отрезал! А порядок обеспечу. Можешь не волноваться, никто не тронет.

— За это, Гриша... не знаю, какое тебе спасибо, — благодарно сказала я.

— Но отстёгивать, — подумав, проговорил Прошкин, — всё равно придётся.

Я выжидательно посмотрела на него. Вот это да! На что же, интересно, намекает?

— Не думай, я не дурак. Эту ярмарку для чего придумала? Таким, как бабушка Марья, помогать. Верно?

Что угодно он скажи — я бы так не поразилась. Гришка даже опередил мою мысль. Я до конца ещё не всё обдумала. А он помог. Конечно, это главное. Мне вдруг захотелось обнять Грилу... Но удержалась. Лишь сказала:

— О Лариных ты знаешь? Из девяносто второй квартиры. Трое детей у них. Ирину недавно видела, она во второй класс перешла. Представляешь: стоит у киоска и такими глазами смотрит на мороженое... Может, никогда ещё не пробовала?..

Прошкин сказал:

— А порядок, вот увидишь, будет железный.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ. ПОХОЖА НА СКАЗКУ. НО ВЕДЬ ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

День был удивительный. Можно сказать, необыкновенный. Я прожила его совсем по-новому. В иные минуты просто не узнавала себя. Словно бы рядом ходила и советовалась со мной ещё одна девочка. По внешности — мой двойник. Только она была невидимка. Ту, другую девочку, никто не видел, но я-то чувствовала, понимала: она здесь, рядом. Она думает вместе со мной, решает, советует. А ещё я не могла не ощутить какого-то нового отношения к себе. Красотка Юлечка прямо сказала:

— Анют, да ты ли это? Не узнаю.

Мне оставалось лишь улыбнуться:

— Не сомневайтесь: точно — я. Я самая. И платье, видишь, то же. И ключ на шее от квартиры, вот, взгляни — номер 51.

— Ну, чудеса какие-то! — снова удивилась Юлечка и показала свои сахарные, рекламные зубы. — Ты и не ты. Кажется, по-настоящему не знали тебя. И не понятно было, как к тебе относиться. Сначала подумали с Наташей, что — хитрая. Ты ловко тогда Серёжу... будто, в самом деле, нитками пришила к себе.

— Пришила?.. Вот это да! Бред! Да просто жалко стало: только надел новую майку, хорошую, дорогую, и — хрясть, порвал у ворота. И родители могли заругать. Ну, сбегала за нитками... В чём моя вина-то? Даже смешно... пришила. И мне ли тягаться? Вы с Наташей такие обе красавицы. Не мне чета. С отцами. Машины у вас... Нет-нет, в чём другом, а в хитрости обвинять... такого на меня не вешайте.

— Сейчас-то сами видим. А тогда... как было не злиться? Мальчишки с ума посходили. Циркач Звонарёв к тебе прилип, кругами ходит. Сам знаменитый Прошкин клинья подбивает. А Серёжа, говорят, цветы тебе подарил.

— Цветы? — Я постаралась усмехнуться: — Ещё скажете — букет! В целлофане! Ой, не надо. То был бутончик пиона... Ещё и распуститься не успел. Юлечка, ты пойми: возможно, за что-то меня уважают. Может быть. Когда что-то обидное вижу, несправедливое, мне ужасно хочется вмешаться и помочь. Жизнь у всех разная. И старые, и больные. Про бабушку Марью сами знаете. А дочка её и на похороны не пришла. Обидно же. Вот и надо

друг другу помогать.. Мы-то здоровые, молодые. По-моему, ведь хорошо придумали — ярмарка. Интересно. И польза какая-то будет. Кому плохо, поможем. Ты согласна со мной? Будешь участвовать?

— И спрашивать не надо: конечно! Уже определила, что вынесу на продажу. Дядя подарил Барби. И у меня их было целых три — Марианна, Ненси и Катрин. Зачем столько? Две продам.

— Но помнишь условие: в фонд поддержки отчисляем двадцать процентов?

— А мне, Анюточка, нисколько не жалко. Могу и тридцать отдать. Благотворительность в России всегда была в моде.

— Юль, а не могла бы уточнить, кто в вашем подъезде особенно нуждается в помощи?

— Хорошо, подумаем с Наташей.

С самой Наташей я разговаривала час назад. Она и доказала мне, что лучшая доля отчисления — двадцать процентов.

— Больше нельзя, — уверяла она. — Кто станет торговать себе в убыток?

— Но это же не просто торговля...

— Всё равно, есть законы рынка...

С Наташей спорить трудно — министр финансов! К тому же обещала вести бухгалтерию. Вести бесплатно. Объяснила так: — Мой вклад в благотворительность.

Гриша Прошкин считал (да и я была почти такого же мнения), что люди эгоисты, ни о чём, кроме своих удобств и выгоды, не желают думать. А на самом деле людей надо просто растормошить, завести, как пружину в часах, попросить.

На что уж дедушка Леонтий — инвалид войны, без глаза (в моем списке нуждающихся числился первым), и то, когда услышал о ярмарке, сразу заявил: дело стоящее, и лично он с большой охотой избавится от многих вещей, которые скопились за долгую жизнь и теперь лишь мешают ему. Среди вещей на продажу назвал велосипед, пресс для отжима сока, складное кресло, зонт, лыжи, набор инструментов для переплётного дела. А ещё стенные часы с боем, вот только подремонтирует малость.

— Раньше внукам бы оставил, а теперь — куда?

Я на всякий случай записала вещи, которые он собирался продать. Может, на дереве список повесить? Удобно. Только от одних его вещей сколько можно в фонд выделить!

Фонд! Скорей бы! Той же Маринке и её братикам мороженого купить. Штук пять, а то и десять.

С Митей разговаривала по телефону. Он со всеми моими предложениями был согласен, вызвался написать плакаты, вывесить на дверях подъездов.

— А снова протянуть жилку не хочешь? — спросила я.

— Давай! — охотно согласился он. — Жилку возьму потолще. Хоть пять ворон выдержит.

— А мне кажется, ее больше никто не тронет, — сказала я с некоторым намёком.

Но Митя намёка не понял. Радостно сообщил о чёрной смородине:

— Урожай в это лето будет отменный. Скажи, на ярмарке могу продать её?

— Да пожалуйста! Мы первые с мамой купим.

— Тебе-то не продам!

— Ой, чем же провинилась?

— По воздушной почте получишь.

— Я смотрю, наша почта в одну сторону будет работать.

— Ты блинчики забыла?

— Митя, это были оладушки... Но заказ на блинчики я запомнила.

Итак, натягиваем жилки...

Дома я заглянула в коробку Рубика. Песок был сухим. Разыскав на кровати дремавшего котёнка, строго сказала ему:

— Не вздумай на одеяло налить! Идём, будешь снова учиться читать.

— Я отнесла его к ящику, показала красные нули и потребовала, чтобы хорошенько их запомнил. Потом провела нового жильца через кошачью дверь, посадила на песок. Рубик принялся всё обнюхивать, мяукнул, словно о чем-то спросил. Я не стала мешать. Кажется, понял. Вот что значит толково объяснить. Это для всех полезно. Включая и самых крутых.

Наезженной дорогой я вновь отправилась на девятый этаж. Гриша, к моему удовольствию, оказался дома — всё возился со своими рыбками. И на его лице я прочитала удовольствие, оттого что увидел меня. Сразу поинтересовался:

— Как там Рубик, освоился?

— Он молодец, учит грамматику. А я всё хлопочу. С ярмаркой должно получиться. Митя Звонарёв уже плакаты пишет... Гриш, а ты всё-таки не прав. Нельзя думать только о себе. У нас не рабовладельческий строй. Мы свободные люди.

Прошкин, будто обессилев, сложил руки на груди.

— Ты — о жилке?

— Правильно, догадался.

Он сморщил лицо, сдавил пальцами скулы, будто собирался смять их.

— Ну, балда, дурак, ну не подумал: подцепил её крючком и рванул. Что теперь...

— Знаешь, что предлагаю? — таинственно сказала я. — Мы с тобой тоже можем устроить почту. С твоего девятого протянем жилку на мой четвёртый. Проще простого: свесишь двойную леску, а я прибью к перилам гвоздик. Надумаешь прислать телеграмму, скрепкой её прижмёшь — раз, и через секунду у меня!

— Космическая связь, — улыбнулся Гришка. — А тебе как? Поработать придётся. Пока-то на пять этажей поднимешь.

— Не беда, была бы весть хорошая.

— А ты плохих не посылай.

— Жизнь, Гриша, как арбуз, в полоску, — вспомнила я дедушку Леонтия. — Да, хочу предупредить: почтовую связь со Звонарёвым я собираюсь восстановить. Что скажешь?

Потускнел Прошкин, задышал носом.

— Ну-у, опять, — с укором протянула я.

— Что ну?.. Хочешь, так хочешь. Не против.

Я сильно обрадовалась:

— Гриша! Ты мне объясни, вот убей, не могу понять — как же это получается? Ужас, до чего плохо думала о тебе, а ты... ну, какой ты, прямо не знаю... — Других слов я не нашла и поспешно сказала: — Мне надо бежать. К концу недели открыть бы ярмарку...

Бежать! Мчаться! Это меня подгоняла та девочка, мой двойник. В первый подъезд, в шестой, снова — к Наташе. А кроме того, решила позвонить Серёже. Для чего? Диапозитивы меня не волнуют. Даже цветные. Даже на всю стенку. Даже на фоне белых лебедей. Это потом, когда-нибудь. А вот что скажет о ярмарке? Рассуждал тогда толково, как политик: разруха, голод, беженцы, о бабушке Марье сожалел.

Итак, позвонить Серёже? Но оказалось, что сегодня я была способна на большее. Не остановила меня и металлическая дверь, затянутая коричневой кожей, с красивой ручкой и золотистым глазком. И позвонила не робко, секунды три держала палец на кнопке. А увидев высокого Серёжиного отца, отворившего дверь, всё же немножко смутилась. Однако девочка-невидимка и тут нашлась. Бодрым голосом я сказала:

— Здравствуйте, Павел Николаевич!

— Анечка! Милости прошу. Ты — к Серёже?

— Он дома?

— Скоро выйдет. Моется. Подождёшь?

— Если не долго.

Павел Николаевич усадил меня в мягкое кресло, налил из высокой бутылки розовой шипучки, поинтересовался новостями.

Пожалуйста! За этим и шла. Я с удовольствием рассказала о задумке с дворовой ярмаркой, о будущем фонде поддержки тех, кто болен, стар или сильно нуждается. Разве не любопытно было узнать мнение работника банка, тем более о процентных отчислениях. Не ошиблась ли Наташа?.. Молодец, не ошиблась...

И Серёжа наконец появился. В мохнатом халате, с влажными волосами. Пришлось кое-что повторить. Но говорила уже не я, а его отец. И хвалил меня, даже заставил покраснеть.

— Анечка, добрые дела куда труднее делать, чем злые, плохие. Ты сама-то понимаешь, как прекрасно ваше начинание? Сегодня общество униженное, несчастное. Надежда на молодые силы. И вы доказываете: есть такие силы...

Минут пятнадцать ещё сидела я в мягком кресле. Говорила, слушала, сама себе удивлялась. Потом финансист оставил нас вдвоём, и Серёжа объяснил, почему так долго не давал о себе знать: снова несколько дней провёл на даче, а самое главное — сломался затвор фотоаппарата. Отнёс аппарат в ремонт, и, когда его починят, они обязательно отправятся в парк. «К лебедям на свидание», — улыбнулся Серёжа.

— Ты очень красивая стала, — сказал он. — Будто месяц не видел тебя. Волосы так блестят. Каким шампунем пользуешься?

— Ну, Серёжа, о чём ты? Кругом столько бедных и немощных. Ты сам-то как относишься, поддерживаешь нашу идею?

— Согласен с отцом. Благотворительность всегда в почете. И в России были знаменитые меценаты. Жёны императоров занимались этим, жёны президентов в Америке. Между прочим, это и выгодно. Компании, фирмы, которые жертвуют деньги бедным, часто освобождаются от налогов. Так что я, Анечка, — за! Горячо и полностью...

— Ну, и сам можешь какую-нибудь вещь купить или продать? — спросила я.

— Почему ж, естественно. Надо подумать... Что-то, может быть, найду. Но.. — Серёжа покачал перед своим лицом пальцем, — ту памятную, синюю майку, заштопанную твоими смуглыми ручками... на самом дорогом аукционе не продал бы!

Вроде и приятно это было услышать, только я отчего-то заспешила домой.

Из богатой квартиры банковского работника я ушла в седьмом часу.

Мама давно была дома, успела познакомиться с Рубиком, посмеялась над его туалетной комнатой, где к тому времени уже имелись вещественные доказательства моих строгих дневных наставлений.

О будущей дворовой ярмарке мама слышала.

— Ну, дочка, заварила кашу! просто и не знаю, ругать или радоваться?

— Лучше порадуйся. Постучим по дереву. Мне и самой страшно.

— А знаешь, — раздумчиво сказала мама, — не случись такой страшной смерти бабушки Марьи, может, и не встрепенулись бы. Я с работы сейчас шла — Клава остановила, доложила о вашей ярмарке. Дед Леонтий десять минут держал на лавочке. Уж столько о тебе наговорил!.. А я только теперь поняла, в кого ты у меня такая... фантазерка.

Мы долго сидели с мамой в тот вечер. Хороший вечер. Пили чай и о многом-многом успели сказать. А перед тем, как ложиться спать, меня будто что подтолкнуло — вышла на балкон. Свисавшую сверху жилку с гайкой-грузиком я не увидела, а белевший листок сразу бросился в глаза. Я отцепила листок и в комнате прочитала: «Анюта, салют! Это я. Тебе и Рубику — спокойной ночи».

Рубик пытался разбудить меня в половине седьмого. Это мама сама наблюдала. А рассказала почти в девять, после того, как я положила телефонную трубку.

— Шустёр твой питомец. Одеяло свесилось — по нему и забрался. Крепко спала. Возле пальцев руку тебе полизал. Не услышала, даже не шевельнулась... А чего Митя спозаранку звонил?

Я подняла над головой рыженького шустрика и засмеялась:

— Вчера, говорит, отец с фазенды вернулся, сумку гороха привёз. Митя сам его сажал. Горох, говорит, слаще мёда. Представляешь!

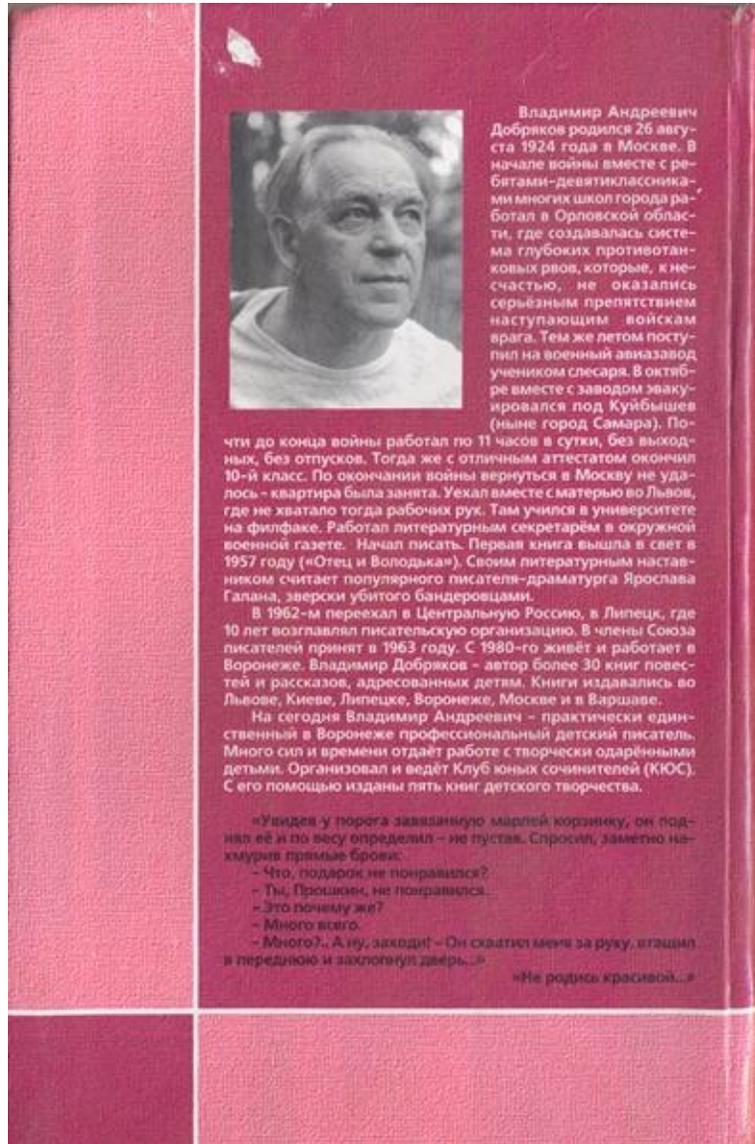
— У твоего изобретателя всё возможно.

— Посмотрим! Обещал угостить. — Я закружилась вместе с Рубиком. — А как ты, усатик, насчёт горошка?

Котёнок мяукнул.

— Видишь, мам, он сказал, что с удовольствием. И правильно, шустрик. С Митей мы не пропадём.

КОНЕЦ

Владимир Андреевич Добряков родился 26 августа 1924 года в Москве. В начале войны вместе с ребятами-девятиклассниками многих школ города работал в Орловской области, где создавалась система глубоких противотанковых рвов, которые, к несчастью, не оказались серьезным препятствием наступающим войскам врага. Тем же летом поступил на военный авиазавод учеником слесаря. В октябре вместе с заводом эвакуировался под Куйбышев (ныне город Самара).

Почти до конца войны работал по 11 часов в сутки, без выходных, без отпусков. Тогда же с отличным аттестатом окончил 10-й класс. По окончании войны вернуться в Москву не удалось - квартира была занята. Уехал вместе с матерью во Львов, где не хватало тогда рабочих рук. Там учился в университете на филофаке. Работал литературным секретарём в окружной военной газете. Начал писать. Первая книга вышла в свет в 1957 году («Отец и Володька»). Своим литературным наставником считает популярного писателя-драматурга Ярослава Галана, зверски убитого бандеровцами.

В 1962-м переехал в Центральную Россию, в Липецк, где 10 лет возглавлял писательскую организацию. В члены Союза писателей принят в 1963 году. С 1980-го живёт и работает в Воронеже. Владимир Добряков - автор более 30 книг повестей и рассказов, адресованных детям. Книги издавались во Львове, Киеве, Липецке, Воронеже, Москве и в Варшаве.

На сегодня Владимир Андреевич - практически единственный в Воронеже профессиональный детский писатель. Много сил и времени отдаёт работе с творчески одарёнными детьми. Организовал и ведёт Клуб юных сочинителей (КЮС). С его помощью изданы пять книг детского творчества.

«Увидев у порога завязанную марлей корзинку, он поднял её и по весу определил - не пустая. Спросил, заметно намхмурих прямые брови:

- Что, подарок не понравился?

- Ты, Прошкин, не понравился...

- Это почему же?

- Много всего.

- Много?.. А ну, заходи! - Он схватил меня за руку, встал в переднюю и запер дверь...»

«Не родись красивой...»

«Воронежские писатели — детям»

Добряков Владимир Андреевич
НЕ РОДИСЬ КРАСИВОЙ...

Редактор Т.Т. Давыденко

Оформление обложки А.П. Ходюка
Иллюстрации С.В. Калачева
Технический редактор Е.А. Парамонова
Корректор В.И. Рубанова
Компьютерная верстка С.А. Филипского

Сдано в набор 14.08.03. Подписано в печать 05.12.03. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. кр.-отт. 16,4. Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 2000 экз. Заказ № 4394. С «50».

ОАО «Центрально-Черноземное книжное издательство» 394077, г.Воронеж, ул. Лизюкова, 2.

ФГУП «Издательско-полиграфическая фирма»
394000, г. Воронеж, проспект Революции, 39

Во всех случаях полиграфического брака обращаться в ФГУП «Издательско-полиграфическая фирма»